

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

739

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЭССР И
СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ РЕСПУБЛИКИ

Труды по правоведению

TARTU 1986

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 739 ВЫПУСК ОСНОВАН В 1893.g.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО
И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЭССР И
СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ РЕСПУБЛИКИ

Труды по правоведению

TARTU 1986

Редакционная коллегия:

П.Каск, И.Коолмейстер, Х.Линдмяэ, Э.Салумая,
П.Ярвелаид.

Ответственный редактор: Х.Саарсоо

Учебные записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 739.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЭССР И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО
УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ РЕСПУБЛИКИ.
Труды по правоведению.
На русском и эстонском языках.
Реэссе на русском языке.
Тартуский государственный университет,
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пяяскоки, 18.
Ответственный редактор Х. Саарсоо.
Корректоры И. Пауска, А. Яго.
Подписано к печати 14.05.1986.
МВ 03299.
Формат 60х90/16.
Бумага лясчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 6,42. Печатных листов 6,75.
Тираж 300.
Заказ № 451.
Цена 1 руб.
Типография ТТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пяяскоки, 14.

I - I4

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН И ИХ РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОТ БЛИЗКИХ К НИМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И.-М.М. Орго, И.А. Ребане

I

В условиях научно-технической революции значительно возрастает актуальность борьбы с преступлениями в сфере использования техники. Внедрение не только в производство, но и в повседневную жизнь новых видов источников повышенной опасности заставляет по-новому подходить к борьбе с недисциплинированностью, невнимательностью, а подчас слабой профессиональной подготовленностью работников, обслуживающих технологию. Технология, которая создает угрозу жизни и здоровью людей, которая не в полной мере подвластна человеку и выходит из-под контроля управляющего субъекта, должна быть запрещена /1/. Немаловажную роль здесь играет также уголовный закон.

П.С. Дагель внес предложение о выделении технических преступлений в отдельную главу Особенной части УК. Его аргументация сводится к следующему: вряд ли можно привести доводы в пользу сохранения существующего положения, когда технические преступления рассредоточены в различных главах Особенной части УК. Их консолидация в одной главе позволила бы избежать разнобоя в определении условий криминализации технических преступлений и подчеркнула бы значение борьбы с ними в условиях научно-технической революции. Под техническими преступлениями он подразумевает "посягательства на общественную безопасность в сфере использования техники, заключающиеся в нарушении лицами, использующими источники повышенной опасности или находящимися в сфере их действия, правил безопасности, приводящие к выходу источника повышенной опасности из-под контроля управляющего субъекта и причинению по неосторожности вреда обществу либо созданию возможности причинения такого вреда". К техническим преступлениям П.С. Дагель отнес также нарушения правил охраны труда (ст.

140 УК РСФСР) /2/, представляющие собой, по его мнению, разновидность преступлений против общественной безопасности.

Однако вряд ли можно согласиться с исключением статьи, предусматривающей ответственность за нарушение правил охраны труда (ст. 140 УК РСФСР), из главы Особенной части УК о преступлениях против политических и трудовых прав граждан. В этой главе УК РСФСР предусмотрены и другие нарушения трудового законодательства. Рассредоточение отдельных видов нарушения трудового законодательства в различных главах Особенной части УК только для того, чтобы выделить т.н. технические преступления в отдельную главу Особенной части УК, следует признать ошибочным.

"Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик" в ст. 7, ч. 1, признают трудовые права граждан одним из родовых объектов преступлений, а ст. 2, ч. 2, "Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде" относит право на здоровые и безопасные условия труда к основным трудовым правам граждан. Этим, однако, вопрос о конструктивной доработке уголовно-правовых норм об охране труда не снимается. По мнению В.К. Глистина, в дальнейшем следовало бы все нарушения правил охраны труда квалифицировать по ст. 140 УК РСФСР, которой соответствует ст. 135 УК ЭССР, и вместе с тем принять единую норму, предусматривающую ответственность за нарушение правил производственной деятельности, если это нарушение создало опасность для окружающих. Такой нормой должны быть охвачены также статьи 214—216 УК РСФСР /3/ (статьи 206, 206³ и 206⁴ УК ЭССР).

В обоснование подобных предложений приводятся различные доводы. Прежде всего обращается внимание на трудности разграничения ст. 140 от статей 214—216 УК РСФСР, вызванные нечеткостью диспозиций названных статей /4/. Указывается, что постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. № 4 "О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений" /5/ также не внесло ясности в вопрос о разграничении преступлений, предусмотренных ст. 140 УК РСФСР, с одной стороны, и ст. 214—216 того же кодекса, с другой. Это постановление подвергнуто обстоятельной критике в юридической литературе /6/. Вопрос усложняется еще и тем, что пока много спорного и в разграничении перечисленных преступлений от таких как недоброкачественное строительство (ст. 147¹ УК ЭССР, в УК

РСФСР подобная статья отсутствует), злостное нарушение правил пожарной безопасности (ст. 206¹ УК ЭССР и УК некоторых других союзных республик, в УК РСФСР аналогичная статья отсутствует), должностная халатность и некоторые другие. Все это заставляет ставить в более широком плане вопрос о видах преступных нарушений трудового законодательства и разграничении их от сходных с ними преступлений. Наше внимание эти вопросы привлекли потому, что в УК ЭССР сравнительно недавно (3 июня 1983 г.) были внесены существенные изменения и дополнения, относящиеся к интересующим нас уголовно-правовым нормам /7/. Вполне закономерен вопрос об обоснованности и эффективности этих изменений и дополнений.

II

Первоначальная редакция статей УК ЭССР, предусматривающих ответственность за нарушение законодательства о труде, а также за нарушение правил безопасности при производстве работ, во многом отличалась от редакции статей УК от 3 июня 1983 г.

Первоначально ответственность за нарушение законодательства о труде предусматривалась одной единственной статьей УК ЭССР - ст. 135. Диспозиция ст. 135 УК носила бланкетный характер. В части первой этой статьи говорилось о нарушении должностным лицом правил техники безопасности, промышленной санитарии либо ином нарушении законодательства о труде, причем привлечение к уголовной ответственности могло иметь место только в случае, когда нарушение заведомо создавало угрозу для жизни или здоровья трудящихся и если в течение года к виновному за такое же нарушение были применены меры общественного воздействия либо он подвергался дисциплинарному или административному взысканию. Ответственность же по части второй указанной статьи наступала в случае причинения тяжких последствий.

По ст. 206 УК ЭССР в первоначальной редакции наказывалось нарушение правил безопасности труда при производстве горных или строительных работ либо правил, обеспечивающих безопасность на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах, причем статья состояла из трех частей. Ответственность была дифференцирована в зависимости от наступивших последствий, а также от того, должностным или недолжностным лицом допущено нарушение. Ответственность за нарушение правил безопасности труда другими статьями УК ЭССР в перво-

начальной редакции установлена не была. Статьи 83, 204 и 205, а также некоторые статьи главы о воинских преступлениях, предусматривающие ответственность за нарушение правил безопасности движения и технической эксплуатации транспортных средств, носили специальный характер. Весьма условно можно было говорить о том, что ими была установлена уголовная ответственность за нарушение именно правил охраны труда либо иных норм трудового законодательства.

В рассматриваемых статьях УК ЭССР в первоначальной редакции обращает на себя внимание определенная нечеткость терминологии. В ст. 206 говорилось о правилах безопасности труда при производстве горных и строительных работ, а также о правилах, обеспечивающих безопасность на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах. Правила безопасности производства определенных работ понимаются, очевидно, уже, чем понятия правил безопасности. У сожалению, однако, сам термин "правила безопасности труда при производстве работ" весьма неопределен. В соответствии с принятым в 1974 году Государственным стандартом безопасности труда (ГОСТ 12.0.002-74) в виде общего термина употребляется "охрана труда". Это - "система законодательных актов и соответствующих им социально-экономических, технических, гигиенических и организационных мероприятий, обеспечивающих безопасность, сохранение здоровья и работоспособности человека в процессе труда". Институт охраны труда включает в себя технику безопасности, производственную санитарии и безопасность труда /8/. Указанный ГОСТ содержит нормативное определение каждого из этих понятий. В частности, под безопасностью труда в соответствии с Государственным стандартом подразумевается "состояние условий труда, при котором отсутствует производственная опасность". Первоначальная редакция ст. 135 УК ЭССР предусматривала уголовную ответственность за нарушение правил по технике безопасности и производственной санитарии, а ст. 206 УК ЭССР - только за нарушение правил безопасности труда при производстве строительных и горных работ. В каком объеме этими понятиями охватывались нарушения правил охраны труда, оставалось неясным.

Вместе с тем не вызывало сомнений, что в ст. 206 УК ЭССР речь шла о нарушении правил об охране труда. Поэтому нормы об уголовной ответственности за нарушение правил безопасности труда при производстве строительных и горных работ были необоснованно включены в гл. X Особенной части УК ЭССР. Эти преступления не посягали на общественную безопасность (гл. X

Особенной части УК ЭССР), а против трудовых прав граждан (гл. IV Особенной части УК ЭССР). Правда, в первоначальной редакции в ст. 206 УК ЭССР, как отмечалось выше, была установлена уголовная ответственность также за нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах. Преступное нарушение таких правил, разумеется, является посягательством не на трудовые права граждан, а на общественную безопасность, и должно быть предусмотрено главой о преступлениях против общественного порядка и общественной безопасности. Пока, однако, еще никем не доказано наличие специальных правил безопасности, действующих на этих предприятиях или в цехах.

Имелись и некоторые другие недостатки в первоначальной редакции УК ЭССР. Так, ст. 135 УК ЭССР устанавливала уголовную ответственность за нарушение правил промышленной санитарии вместо производственной санитарии. В эстонском тексте ст. 135 эта ошибка была в 1978 г. исправлена, в русском тексте, подобно ст. 140 УК РСФСР, сохранен термин "промышленная санитария". На узость этого термина уже обращалось внимание в уголовно-правовой литературе /9/.

В первоначальной редакции УК ЭССР не предусматривалась наказуемость за причинение легких телесных повреждений в результате рассматриваемых нарушений, хотя создание одной только угрозы причинения таких повреждений в результате нарушения трудового законодательства признавалось уголовно-наказуемым деянием.

III

Что же изменилось в сфере уголовной ответственности за нарушение трудового законодательства с изданием Указа Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 3 июня 1983 г. "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Эстонской ССР" /10/?

Статья 135 УК ЭССР получила новую редакцию, вместе с тем в УК ЭССР включены новые статьи: ст. 135¹ "Нарушение законодательства о труде" и ст. 135² "Отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины или матери, кормящей грудью". Редакция этих статей не отличается соответственно от статей 140, 138 и 139 УК РСФСР. В то же время ст. 137 УК РСФСР (нарушение законных прав профсоюзов) не воспроизведена в УК ЭССР. Статьи, аналогичной ст. 137 УК РСФСР, в УК ЭССР нет.

Несмотря на совпадение редакций вышеуказанных статей УК РСФСР и УК ЭССР, между системой кодексов этих республик имеется существенное различие. Само собой разумеется, что первое место среди статей, предусматривающих ответственность за нарушения трудового законодательства, должна занимать наиболее общая норма. Таковой является ст. 138 УК РСФСР, озаглавленная "Нарушение законодательства о труде", которой соответствует ст. 135¹ УК ЭССР. Все остальные посягательства на трудовые права граждан представляют собой частные случаи нарушения трудового законодательства. Между тем в УК ЭССР первое место занимает ст. 135, озаглавленная "Нарушение правил охраны труда", а за ней следует общая норма — ст. 135¹. В УК РСФСР среди этих статей первое место занимает ст. 137, которой предусматривается лишь один из видов нарушения трудовых прав граждан. Действительно, объединение в профессиональные союзы согласно ст. 2, ч. 2, "Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде" является одним из видов трудовых прав граждан. В беспрепятственной деятельности профсоюзов это право претворяется в жизнь /II/. Вместе с тем заглавие ст. 135¹ УК ЭССР (ст. 138 УК РСФСР) представляется не совсем удачным. По-видимому, для нее больше подходит заглавие "Нарушение общих требований законодательства о труде".

К преступлениям, предусмотренным ст. 135¹ УК ЭССР (ст. 138 УК РСФСР), закон относит, кроме незаконного увольнения и неисполнения решения суда о восстановлении на работе, только иные существенные нарушения законодательства о труде. Что понимать под существенным нарушением, всецело зависит от усмотрения судебно-прокурорских и следственных органов. Поскольку за несущественное нарушение законодательства о труде наступает административная ответственность (ст. 41 Кодекса об административных правонарушениях РСФСР), то, по-видимому, более надежным критерием разграничения преступлений от административных проступков послужило бы в данном случае наличие административной (а также иной) прецеденции. Учитывая обоснованное исключение из ст. 135 УК ЭССР в первоначальной редакции упоминания об ином нарушении законодательства о труде (это нарушение вряд ли повлечет за собой последствия, указанные в ст. 135 УК ЭССР) и предусмотрение такого нарушения отдельной статьей (ст. 135¹ УК ЭССР), было бы правильнее предусмотренное ст. 135 УК ЭССР в прежней редакции условие криминализации ("если в течение года, предшествовавшего на-

рушению, к виновному за такое же нарушение были применены меры общественного воздействия, либо он подвергался дисциплинарному или административному взысканию") перенести в ст. 135¹ УК ЭССР, исключив из нее слово "существенное".

Значительные изменения претерпела также ст. 206 УК ЭССР в первоначальной редакции. Она была разбита на три статьи: ст. 206, озаглавленную "Нарушение правил при производстве строительных работ", ст. 206³ - "Нарушение правил безопасности горных работ" и ст. 206⁴ - "Нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах". Редакция этих статей заимствована из УК РСФСР (ст. 214-216). Но здесь имеется одно существенное различие. Все указанные статьи носят бланкетный характер. В них содержится указание на правила, нарушение которых квалифицируется как преступление /12/. По ст. 215 УК РСФСР при производстве строительных работ квалифицируется нарушение строительных, санитарных и противопожарных правил, а также правил эксплуатации строительных механизмов. В ст. 206 УК ЭССР в новой редакции о нарушении противопожарных правил при производстве строительных работ не упоминается. Очевидно, законодатель исходил из того, что в УК ЭССР имеется специальная статья - ст. 206¹, которой установлена ответственность за нарушение правил пожарной безопасности /13/. По-видимому, предполагалось, что нарушение правил пожарной безопасности при производстве строительных работ должно квалифицироваться по ст. 206¹ УК ЭССР.

Требования пожарной безопасности, соблюдение которых при производстве строительных работ обязательно, содержатся в самих строительных нормах и правилах (СНИП III - 4 - 80). Вместе с тем СНИП отсылает и к другим правилам пожарной безопасности, в том числе к ГОСТ 12.1.004-76 системы стандартов безопасности труда (ССБТ). В ст. 1.1. названного ГОСТ в свою очередь указывается, что пожарная безопасность объекта регламентируется как самим этим стандартом, так и СНИП и разными ведомственными нормативными актами. Таким образом, строительные нормы и правила, а также правила пожарной безопасности, которые распространяются на строительные работы, до того неразделимы, что совершенно невозможно отказаться от квалификации их нарушения по ст. 206 УК ЭССР, как нарушения строительных норм и правил. Самостоятельного исследования требует, однако, вопрос о том, является ли нарушение требований пожарной безопасности на строительстве одновременно и нарушением правил охраны труда.

IV

Статьи 135, 206, 206³ и 206⁴ УК ЭССР носят бланкетный характер, поэтому, чтобы понять их содержание, необходимо выяснить, за нарушение каких именно правил установлена указанными статьями уголовная ответственность. Совершенно очевидно, что в этой связи речь может идти только о правилах, содержащихся в юридических нормативных актах, о правовых нормах, ибо в противном случае само нарушение лишается признака противоправности. Подобное нарушение не может быть признано правонарушением. С этой точки зрения не имеет никакого значения и то обстоятельство, что в ст. 206⁴ УК ЭССР говорится также о нарушении производственно-технической дисциплины, тем более, что заглавием этой статьи является "Нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах". Мнение о том, что это нарушение производственно-технической дисциплины не обязательно должно противоречить правилам безопасности /14/, т.е. юридическим нормам, явно ошибочно.

В этом плане не имеет особого значения и то обстоятельство, что в некоторых юридических нормативных актах иногда употребляется термин "нормы и правила". В частности, строительные нормы и правила (СНиП) представляют собой юридический подзаконный нормативный акт, утвержденный Государственным комитетом СССР по делам строительства. Юридическими нормами являются также санитарно-гигиенические и санитарно-противоэпидемические правила и нормы, о которых говорится в ст. 6, п. 7 "Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении". Нет оснований утверждать, что правила - это юридические нормы, а строительные и санитарные нормы - это т.н. технические нормы. Коль скоро они утверждены компетентными органами, они превращаются в юридические нормы, нарушение которых является деянием противоправным. Вместе с тем желательно отказаться от термина "правила и нормы", способного лишь ввести в заблуждение. Не являются юридическими нормами, однако, разные памятки заводов-изготовителей, и несоблюдение их рекомендаций само по себе не может быть признано деянием противоправным.

По данным, приведенным в литературе, в СССР применяется более 900 различного рода нормативных актов по охране тру-

да /15/, главным образом по безопасности труда, т.е. по технике безопасности и производственной санитарии. Разумеется, что в бланкетных диспозициях статей УК совершенно невозможно перечислить все нормативные акты по охране труда, за нарушение которых в данной статье УК установлена уголовная ответственность. Вместе с тем уголовный закон должен пользоваться общепризнанными терминами, охватывающими именно те нормативные акты, нарушение которых признается данной статьей УК преступлением. К сожалению, УК ЭССР шел не по этому пути. Выяснить, за какие именно нарушения правил устанавливается уголовная ответственность, можно лишь после тщательного анализа текста статей 135, 206, 206³ и 206⁴ УК ЭССР. Подобный анализ необходим и для правильного разграничения этих статей, а также для их уголовно-политической оценки.

У

Диспозиция ст. 135 УК ЭССР гласит: "Нарушение должностным лицом правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда, если это нарушение могло повлечь за собой несчастный случай с человеком или иные тяжкие последствия".

ГОСТ 12.0.002-80 /16/ определяет технику безопасности как "систему организационных мероприятий и технических средств, предотвращающих воздействие на работающих опасных производственных факторов". Под производственной санитарией /17/ понимается "система организационных мероприятий и технических средств, предотвращающих или уменьшающих воздействие на работающих вредных производственных факторов". Понятие "охрана труда" охватывает как правила техники безопасности, так и правила производственной санитарии. Понятие "охрана труда" по ГОСТ — это "система законодательных актов, социально-экономических, организационных, технических, гигиенических и лечебно-профилактических мероприятий и средств, обеспечивающих безопасность, сохранение здоровья и работоспособность человека в процессе труда".

Термин "охрана труда" употребляется в советском трудовом праве в широком и узком значении. В широком смысле под охраной труда понимается совокупность норм трудового права, гарантирующих трудовые права рабочим и служащим /18/. Таковыми являются нормы, устанавливающие продолжительность рабочего

времени и времени отдыха, ограничивающие переводы и увольнения рабочих и служащих, порядок удержаний из заработной платы работника и многие другие нормы трудового права. В узком смысле "охрана труда" означает в основном создание рабочим и служащим здоровых и безопасных условий труда.

Институт охраны труда в трудовом праве включает в себя правила по технике безопасности и производственной санитарии; нормы профилактического характера, направленные на предупреждение производственного травматизма и профессиональных заболеваний; нормы, устанавливающие обязанности администрации предприятий и организаций по созданию здоровых и безопасных условий труда, а также обязанности рабочих и служащих по соблюдению требований безопасности труда; нормы по охране труда женщин, подростков и лиц с пониженной трудоспособностью; нормы, регулирующие деятельность органов контроля по охране труда /19/.

Система правил по охране труда предполагает проведение мероприятий по технике безопасности и производственной санитарии в процессе производства во всех отраслях народного хозяйства. Вместе с тем эти правила разделяются на единые, межотраслевые и отраслевые. Единые правила действуют на всех предприятиях, учреждениях и во всех организациях народного хозяйства. Межотраслевые правила обязательны при производстве некоторых, точно определенных работ, независимо от отрасли народного хозяйства, в которой они производятся. Отраслевые же правила распространяются только на одну конкретную отрасль народного хозяйства.

Правила техники безопасности и производственной санитарии по существу представляют собой технические нормы. Юридическую силу они приобретают, как указано выше, после их утверждения компетентными органами. Единые и межотраслевые правила по охране труда утверждает Совет Министров СССР или по его поручению другие органы (Госгортехнадзор, Госстрой, Министерство здравоохранения и др.) совместно или по согласованию с ВЦСПС. Отраслевые правила и нормы безопасности труда утверждают министерства, ведомства и органы государственного надзора совместно или по согласованию с соответствующими органами профсоюзов. Могут быть разработаны и утверждены также типовые и локальные инструкции по охране труда.

Нарушение правил техники безопасности и производственной санитарии должно наказываться по ст. 135 УК ЭССР во всех

случаях, когда такое нарушение допущено. Оно и понятно. Сам текст ст. 135 УК ЭССР подтверждает правильность такого вывода. Ведь охрана труда как институт советского трудового права включает в себя также нормы права, охраняющих труд женщин, несовершеннолетних и лиц с пониженной трудоспособностью. Было бы крайне нелогично говорить в диспозиции ст. 135 УК ЭССР кроме нарушения правил техники безопасности и промышленной санитарии еще о нарушении иных правил охраны труда, не подразумевая под таким нарушением несоблюдения должностными лицами правил, охраняющих труд женщин, подростков и инвалидов.

В юридической литературе высказывалось мнение, что за нарушение установленных условий труда женщин и несовершеннолетних виновный привлекается к ответственности по ст. 138 УК РСФСР (ст. 135¹ УК ЭССР), предусматривающей нарушение законодательства о труде /20/. Действительно, нормы, регулирующие труд женщин и несовершеннолетних, в целом относятся к законодательству о труде. Квалификация же нарушений этих норм по ст. 135 УК ЭССР вряд ли обоснована. Трудовое право предоставляет этим лицам различные льготы в связи с направлением в командировки, привлечением к работе в ночное время, переводами на другую работу, предоставлением отпусков, доплат к заработной плате и т.д. Нарушение большинства из указанных норм не может повлечь за собой последствий, предусмотренных в ст. 135 УК ЭССР. Только нарушение некоторых норм (например, отказ от предоставления отпуска по беременности и родам) может ставить под угрозу здоровье работника. Вряд ли целесообразна квалификация этих деяний в одних случаях по ст. 135, в других же — по ст. 135¹ УК ЭССР.

Но если были нарушены правила безопасности труда в отношении этих лиц, то такие деяния подлежат квалификации по ст. 135 УК ЭССР как нарушения безопасности труда. Безопасность труда по ГОСТ определяется как "состояние условий труда, при котором исключено воздействие на работающих опасных и вредных производственных факторов".

С учетом вышеизложенного более правильно было бы озаглавить ст. 135 УК ЭССР "Нарушение правил безопасности труда". В диспозиции статьи следовало бы слова "иных правил охраны труда" заменить словами "иных правил безопасности труда", а термин "промышленная санитария" — термином "производственная санитария".

Согласно ст. 152 КЗоТ ЭССР и соответствующим статьям КЗоТ других союзных республик рабочие и служащие обязаны соблюдать инструкции по охране труда. Администрация вправе налагать дисциплинарные взыскания на рабочих и служащих за нарушение указанных инструкций. Однако субъектом преступления, предусмотренного ст. 135 УК ЭССР, является только должностное лицо, хотя последствия нарушения правил по технике безопасности со стороны рабочего могут быть такими же. Вопрос о субъекте преступлений, предусмотренных главой IV УК ЭССР, требует тщательного дополнительного исследования.

VI

Статьи 206 и 206³ УК ЭССР предусматривают два различных, но отчасти близких преступления.

Статья 206 устанавливает ответственность за нарушение при производстве строительных работ строительных или санитарных правил, а также правил эксплуатации строительных механизмов, если этим был причинен вред здоровью человека, либо если это нарушение повлекло за собой гибель человека или иные тяжкие последствия.

Строительные работы могут быть разделены на общестроительные и вспомогательные. Вспомогательными являются погрузочно-разгрузочные, транспортные, заготовительные и некоторые другие работы. В юридической литературе высказано мнение, что как нарушение правил при производстве строительных работ квалифицируется нарушение строительных или санитарных правил, а также правил эксплуатации строительных механизмов и тогда, когда это происходит при производстве вспомогательных строительных работ в месте расположения строительного объекта /21/.

Строительные нормы и правила (СНИП) содержат технические условия, которым должны соответствовать строительные материалы и конструкции, нормы строительного проектирования, нормы и правила по производству и приемке строительных работ. Нормы и правила по производству строительных работ составляют содержание части III СНИП. В отдельной главе этой части содержатся правила по технике безопасности в строительстве /22/.

Нарушение технических условий, которым должны удовлетворять строительные материалы, а также нормы строительного

проектирования, не связано с производством строительных работ. Поэтому оно не может быть квалифицировано по ст. 206 УК ЭССР. Относительно же нарушения правил техники безопасности при производстве строительных работ мнения ученых расходятся. Некоторые авторы придерживаются мнения, что строительными правилами кроме технологических правил производства строительных работ охватываются также правила техники безопасности /23/. Высказана и противоположная точка зрения /24/. Под действие ст. 206 УК ЭССР и соответствующих статей УК других союзных республик, по мнению части авторов, подпадают только нарушения специальных правил техники безопасности /25/, нарушения же общих норм квалифицируются по ст. 135 УК ЭССР.

Правила техники безопасности при производстве строительных работ содержат предписания относительно организации строительной площадки, участков и рабочих мест, эксплуатации строительных машин, технологической оснастки, транспортных работ, электросварочных, земляных, каменных, бетонных, монтажных и др. работ. Некоторые виды этих работ проводятся не только в строительстве, но и в других отраслях народного хозяйства, а вышеуказанные предписания воспроизведены в правилах техники безопасности, действующих и в других отраслях народного хозяйства. Выделение при таком положении вещей общих норм безопасности труда подчас почти невозможно /26/, о чем свидетельствуют и трудности, возникающие при квалификации рассматриваемых преступлений в судебной практике. Все правила, общие, межотраслевые и отраслевые вместе взятые обеспечивают безопасный процесс производства строительных работ. Как правила техники безопасности, так и производственной санитарии при производстве строительных работ действуют во всех отраслях народного хозяйства, где строительные работы проводятся. Эти правила имеют своим назначением прежде всего охрану здоровья строительных рабочих. Поэтому логично было бы квалифицировать эти нарушения по ст. 135 УК ЭССР.

Статья 206³ УК ЭССР предусматривает ответственность за нарушение правил безопасности горных работ. Что же подразумевает указанная статья под горными работами? Являются ли таковыми работы только по проходке и поддержанию горных выработок, которые проводятся для добычи полезных ископаемых, или работы, связанные с их обогащением, либо различные другие работы в горной промышленности (транспортные, подъемные, электрические и др.)?

Некоторые авторы придерживаются мнения, что за нарушение правил безопасности горных работ могут быть привлечены к уголовной ответственности только лица, нарушающие правила безопасности по проходке и поддержанию горных выработок /27/.

Отдельные же ученые к горным работам кроме добычи полезных ископаемых (химикатов, удобрений, торфа и т.д.) относят также обогащение – предварительную обработку полезных ископаемых /28/. По мнению третьих, сюда относятся также геологоразведочные работы /29/.

Безопасность горных работ регулируется Единными правилами безопасности при разработке рудных, нерудных и рассыпных месторождений подземным способом, утвержденными Госгортехнадзором СССР в 1971 г. /30/, Единными правилами безопасности при разработке месторождений полезных ископаемых открытым способом, утвержденными Госгортехнадзором СССР в 1968 г. /31/, и некоторыми другими правилами и инструкциями. Единые правила содержат предписания по безопасности ведения горных, буровых, транспортных и др. работ, требования безопасности, предъявляемые различным механизмам, электроустановкам и карьерам. В Единые правила входят также общие санитарные нормы по борьбе с пылью и вредными газами и т.д. Горные работы проводятся во многих отраслях народного хозяйства – в топливобывающей, химической, по добыче материалов для строительства и в других. Вышеуказанные Единые правила распространяются на все отрасли народного хозяйства.

В горнодобывающей промышленности безопасность регулируется Правилами безопасности в угольных и сланцевых шахтах, утвержденными Госгортехнадзором СССР в 1972 г. /32/, и Правилами технической эксплуатации угольных и сланцевых шахт, утвержденными Министерством угольной промышленности СССР в 1975 г. /33/.

В юридической литературе высказана мысль, что нарушение правил безопасности горных работ налицо только в случае нарушения требований производства горнодобывающих работ. Если нарушены правила проветривания подземных выработок, передвижения грузов, электроснабжения и т.п., квалификация по ст. 206³ УК ЭССР и соответствующим статьям УК других союзных республик исключается, т.к. нарушены якобы общие правила безопасности труда. И в данном случае разграничение общих и специальных правил техники безопасности оказывается совершенно произвольным. К тому же непонятно, зачем выделять на-

рушения только т.н. специальных правил производства горных работ в отдельную статью УК ЭССР.

Статья 206⁴ УК ЭССР предусматривает уголовную ответственность за преступное нарушение производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах. При отнесении предприятий или цехов к взрывоопасным решающее значение имеют свойства и количество горючих веществ, могущих образовывать взрывоопасную смесь в помещении.

Нарушение производственно-технической дисциплины принято определять как невыполнение либо ненадлежащее выполнение требований технологического процесса или условий безопасной организации данного производства. Таким нарушением может быть, по мнению многих авторов, несоблюдение технологических норм даже тогда, когда это не противоречит правилам безопасности.

При разработке правил безопасности для взрывоопасных производств учитывается характер производимых работ. Правила безопасности во взрывоопасных и взрыво-пожарных химических и нефтехимических производствах подробно регулируют безопасность по всем видам работ во взрыво-пожарных химических и нефтехимических производствах. Соблюдение указанных правил гарантирует безопасность производства. Поэтому нарушение производственно-технической дисциплины, как правило, сводится к нарушению правил безопасности.

VII

По ст. 135¹ УК ЭССР и соответствующим статьям УК других союзных республик наказываются незаконное увольнение работника из личных побуждений, неисполнение решения суда о восстановлении на работе, а равно иное умышленное существенное нарушение законодательства о труде.

Незаконным в комментариях к соответствующим статьям уголовного кодекса признается увольнение, если оно произведено по основаниям, не предусмотренным законом, а также увольнение по инициативе администрации без согласия профсоюзного комитета и увольнение несовершеннолетних без согласия районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних /34/.

Следует отметить, что приведенные выше нарушения по тру-

довому праву являются явными нарушениями закона, чем обусловлено применение к должностным лицам материальной ответственности за ущерб, причиненный предприятию, с выплатой при восстановлении среднего заработка работнику за время вынужденного прогула /35/. Однако незаконными являются всякие увольнения с нарушением трудового законодательства (увольнение по собственному желанию без заявления работника, увольнение ввиду несоответствия занимаемой должности без соответствующего основания и т.д.). Если работник уволен с нарушением установленного порядка из личных побуждений (из мести, с целью освободить место для знакомого и т.д.), то такое деяние наказывается по ст. 135¹ УК ЭССР независимо от характера нарушения.

Дела о незаконных увольнениях рабочих и служащих подведомственны помимо суда и некоторым другим органам, разрешающим трудовые споры. Руководящие работники, занимающие должности, перечисленные в специальном перечне, восстанавливаются на работе вышестоящими в порядке подчиненности органами. Комиссии по трудовым спорам и профсоюзные комитеты предприятия также вправе восстановить рабочих и служащих на работе в предусмотренных законодательством случаях (если работник уволен не по инициативе администрации). В соответствии с диспозицией ст. 135¹ УК ЭССР наказывается только неисполнение решения суда о восстановлении на работе. Почему уголовный закон не гарантирует исполнения решения других органов, разрешающих аналогичные трудовые споры? Представляется, что по ст. 135¹ УК ЭССР не следовало бы ограничивать привлечение к уголовной ответственности должностных лиц в зависимости от того, решение какого органа о восстановлении на работе не было исполнено.

Наиболее трудным представляется определение того, что следует понимать под "иным умышленным существенным нарушением законодательства о труде. В литературе под существенными (грубыми) нарушениями приводятся нарушение правил охраны труда женщин и несовершеннолетних, отказ без уважительных причин от выплаты заработной платы, увольнение под видом сокращения штатов, отказ в приеме на работу, перевод на другую работу при отсутствии законных оснований, непредоставление очередного отпуска, необоснованное уменьшение зарплаты и др. /36/.

Все вышеизложенные нарушения действительно являются на-

рушениями трудового законодательства, но на каком основании можно утверждать, какие из них существенны? Если, например, должностное лицо не предоставляет рабочему или служащему, совмещающему работу с обучением, предусмотренных законодательством льгот, субъективные права работника также грубо нарушены. Можно привести много других подобных примеров. Пленум Верховного Суда СССР указал на самые грубые нарушения трудового законодательства только в связи с переводом рабочих и служащих на другую работу и с увольнением с работы /37/.

К должностным лицам за нарушение трудового законодательства применяются меры общественного воздействия и дисциплинарные взыскания. Они могут быть привлечены и к административной ответственности. Вполне логично было бы предусмотреть уголовную ответственность только в тех случаях, когда должностному лицу за аналогичные нарушения уже раньше были применены другие меры воздействия. В противном случае решение вопроса о существенности нарушения зависит только от правоприменительного органа.

VIII

Несмотря на наличие нескольких десятков журнальных статей, разделов в учебниках, курсах советского уголовного права, комментариев уголовных кодексов, а также монографий о преступлениях в сфере охраны труда — перечисление их не входит в задачи настоящей статьи /38/, — по многим вопросам нет единогласия среди советских ученых. Это в частности относится к вопросу о разграничении и возможности совокупности преступлений, предусмотренных ст. 140 УК РСФСР, с одной стороны, и статьями 214—216 того же кодекса, с другой. Отчасти это объясняется тем, что специалисты по советскому уголовному праву пытались решить эти вопросы без участия трудовиков, отчасти же разнородностью критериев, положенных в основу разграничения. Эта разнородность критериев нашла отражение и в вышеупомянутом постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 30 мая 1967 г. с изменениями, внесенными в него постановлением № 5 от 30 марта 1973 г. /39/.

Само собой разумеется, что квалификация нарушений правил охраны труда при производстве работ, указанных в статьях

206, 206³ и 206⁴ УК ЭССР, исключает квалификацию этих нарушений по ст. 135 УК по совокупности, ибо статьи, конкретизирующие положения ст. 135 применительно к отдельным видам работ или сферам производства, являются специальными по отношению к ст. 135 УК как общей норме. Это обстоятельство недостаточно учтено в п. 5 вышеупомянутого постановления Пленума, ввиду чего выводы Пленума по данному вопросу противоречивы. В п. 5 постановления Пленум указывает, что нарушение правил безопасности ведения горных, строительных работ или работ на взрывоопасных предприятиях (цехах) должна квалифицироваться по статьям 214–216 УК, а не по ст. 140 УК РСФСР; только тогда, когда вместе с тем нарушены общие правила охраны труда, налицо реальная совокупность преступлений, предусмотренных статьями 140 и 214–216 УК РСФСР. Статья 140 применяется, по мнению Пленума, и тогда, когда нарушение правил охраны труда при производстве горных, строительных работ или работ на взрывоопасных предприятиях (цехах) не повлекло, а могло повлечь за собой указанные в ст. 140 УК РСФСР последствия. Пленум правильно исходит из того, что правила, указанные в статьях 214–216 УК РСФСР, могут включать в себя также требования относительно охраны труда, но глубоко ошибается, полагая, что нарушение этих требований может быть рассмотрено как совокупность, тем более реальная совокупность преступлений. Точка зрения Пленума нашла в уголовно-правовой литературе поддержку, но и подверглась критике /40/. Мы присоединяемся к этой критике. Вместе с тем мы считаем нужным внесение значительных изменений в ст. 206³ и 206⁴ УК ЭССР, чтобы все преступные нарушения правил охраны труда, независимо от того, где и при производстве каких работ они допущены, были бы квалифицированы только по ст. 135 УК ЭССР (ст. 140 УК РСФСР). В связи с этим следовало бы статьи 206, 206² и 206³ УК ЭССР изложить таким образом, чтобы возможность квалификации по ним отдельных случаев нарушения правил охраны труда была бы полностью исключена.

Обоснованность такого вывода подтверждается некоторыми соображениями уголовно-политического порядка, а также явным противоречием ст. 206, 206³ и 206⁴ УК ЭССР в редакции 1983 г. уголовно-политическим требованиям.

Наличие в УК указанных статей и квалификацию по ним нарушений правил охраны труда можно признать обоснованными в тех случаях, когда строительные и горные работы, а также работы на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных

цехах на самом деле сопряжены с повышенной по сравнению с другими видами работ опасностью для здоровья трудящихся и чреваты особо тяжкими последствиями, а производственные травмы и профессиональные заболевания имеют наиболее широкое распространение как раз при производстве строительных или горных работ или работ на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах. Спрашивается, однако, почему же по этому признаку не выделены в Особенной части УК в самостоятельные статьи нарушения правил охраны труда, например, в химической промышленности, литейном производстве, производстве с радиоактивными веществами, при производстве электросварочных, а также погрузочно-разгрузочных работ при помощи подъемных механизмов и т.д.? Вместе с тем спрашивается, почему же повышенная опасность нарушения правил безопасности труда при производстве работ, указанных в статьях 206, 206³ и 206⁴ УК ЭССР, не отражена в санкциях этих статей?

Действительно, преступление, предусмотренное ст. 206, ч. 1, УК ЭССР (нарушение правил при производстве строительных работ, если оно причинило вред здоровью человека), наказывается лишением свободы на срок до одного года или исправительными работами на тот же срок, по ст. 135, ч. 2, УК ЭССР за нарушение правил охраны труда, повлекшее за собой причинение телесных повреждений или утрату трудоспособности, максимальное же наказание три года лишения свободы. По ст. 135, ч. 3, УК ЭССР за указанные нарушения, повлекшие за собой смерть или причинение особо тяжких телесных повреждений, — единственное наказание — лишение свободы на срок до пяти лет, по ст. 206, ч. 2 УК, ЭССР за нарушение правил при производстве строительных работ в случае гибели человека или наступления иных тяжких последствий могут быть применены также исправительные работы. С другой стороны, нарушения, предусмотренные статьями 206 и 206³ УК ЭССР, уголовно-наказуемы лишь в случае причинения общественно опасного результата. Нарушение же правил охраны труда наказуемо по ст. 135, ч. 1, УК ЭССР и тогда, если это нарушение могло повлечь за собой несчастный случай с человеком или иные тяжкие последствия. При такой конструкции статей логика закона труднопознаваема.

Каковой же должна быть судьба статей 206, 206³ и 206⁴ УК ЭССР?. Этот вопрос возникает в связи с тем, что содержание указанных статей далеко не исчерпывается установлением ответственности только за нарушение правил охраны труда при производстве работ, упомянутых в названных статьях. В них

предусмотрена также ответственность за нарушение правил технической эксплуатации производственного оборудования, рационального и эффективного использования производственных мощностей, обеспечения качества работы, охраны окружающей природной среды /41/, общественной безопасности, а также самого производственного процесса.

Так, например, недоброкачественное строительство, предусмотренное ст. 147¹ УК ЭССР, как правило, является следствием нарушения строительных норм и правил, ответственность за которое установлена ст. 206 УК ЭССР; загрязнение атмосферного воздуха, предусмотренное ст. 158 УК ЭССР, может быть последствием нарушения статей 574–577 Правил технической эксплуатации угольных и сланцевых шахт, за которое ответственность установлена ст. 206³ УК ЭССР, а загрязнение, засорение или затопление водных объектов, наказуемые по ст. 158 УК ЭССР, – нарушения статей 567–573 тех же правил /41/, влекущего за собой уголовную ответственность также по ст. 206³ УК ЭССР, разумеется, при наличии указанных в этой статье условий. Вряд ли возникнут сомнения, что статьи Особенной части УК должны быть отредактированы таким образом, чтобы исключалась конкуренция статей. Поскольку нарушение правил, указанных в бланкетной диспозиции какой-либо статьи Особенной части УК, может посягать на различные объекты (трудовые права граждан, социалистическую систему хозяйства, правильную, соответствующую интересам коммунистического строительства работу советского государственного и общественного аппарата, общественную безопасность), при изложении бланкетных диспозиций статей Особенной части УК, кроме нарушаемых юридических нормативных актов, должны быть уточнены также характер этих нарушений, объект, на который это нарушение посягает, либо иные признаки данного вида преступлений. Обоснованность подобного вывода можно проиллюстрировать анализом строительных норм и правил.

Подробное рассмотрение этих вопросов и внесение соответствующих законодательных предложений выходит за рамки настоящей статьи. Ее задачи исчерпываются критическим анализом статей 135 и 135¹ УК ЭССР и соотношения последних со статьями 206, 206³ и 206⁴ УК ЭССР.

Литература и примечания

1. Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции / Отв. ред. В.Н.Кудрявцев - М.: Наука, 1981, с. 228-239.
2. Там же, с. 228-230.
3. Курс советского уголовного права / Под ред. Н.А. Беляева. - Б.м.: Изд-во ЛГУ, 1981, т. 5, с. 153. См. также: Браинин М.С., Квелидзе С.А. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в СССР. - М.: Юрид. лит., 1977, с. 48 и литература, там указанная.
4. Курс советского уголовного права / Под ред. Н.А. Беляева. - Б.м.: Изд-во ЛГУ, 1981, т. 5, с. 152; Курс советского уголовного права: (часть Особенная) / Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. - Б.м.: Изд-во ЛГУ, 1973, т. 3, с. 700.
5. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1977. - М.: Известия, 1981, ч. 2, с. 290-296.
6. Курс Советского уголовного права: (часть Особенная). / Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. - Б.м.: Изд-во ЛГУ, 1973, т. 3, с. 705-707; Курс советского уголовного права / Отв. ред. Н.А. Беляев. - Б.м.: Изд-во ЛГУ, 1981, т. 5, с. 146-147; Браинин М.С., Квелидзе С.А. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в СССР. - М.: Юрид. лит., 1977, с. 86.
7. ВВСР ЭССР 1983, № 19, ст. 234.
8. Браинин М.С., Квелидзе С.А. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в СССР. - М.: Юрид. лит., 1977, с. 7.
9. Курс советского уголовного права: (часть Особенная). / Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. - Б.м.: Изд-во ЛГУ, 1973, т. 3, с. 701.
10. ВВСР ЭССР 1983, № 19, ст. 234.
11. Более выдержана последовательность статей, предусматривающих уголовную ответственность за нарушение трудового законодательства в Ук Латвийской ССР. В ст. 133 УК этой союзной республики предусмотрена ответственность за нарушение законодательства о труде, ст. 134 - нарушение правил охраны труда, а ст. 135 - нарушение прав профсоюзов.

12. В УК Латвийской ССР нет специальной статьи о нарушениях правил производства горных работ, в ст. 215, предусматривающей нарушение правил безопасности при производстве строительных работ, установлена также ответственность за нарушение правил безопасности при производстве работ, связанных с производством взрывов. В УК Литовской ССР в ст. 220 предусмотрена ответственность за нарушение правил безопасности строительных или горных работ, в ст. 230 – за нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах, в ст. 230¹ – за нарушение правил пожарной безопасности.
13. В УК РСФСР аналогичной статьи нет.
14. См.: Курс советского уголовного права / Отв. ред. Н.А. Беляев. – Б.м.: Изд-во ЛГУ, 1981, т. 5, с. 140.
15. Брайнин М.С., Квелидзе С.А. Уголовно-правовая охрана безопасности труда в СССР. – М.: Юрид. лит., 1977, с. 7–8.
16. Система стандартов безопасности труда: Термины и определения. ГОСТ 12.0.002-80. – М.: Изд-во стандартов, 1981, с. 2.
17. Термин "промышленная санитария" в системе стандартов безопасности труда вообще не употребляется. Санитарные правила действуют не только в промышленности, но распространяются и на другие сферы народного хозяйства.
18. Советское трудовое право / Под ред. А.С. Пашкова, О.В. Смирнова. – М.: Юрид. лит., 1982, с. 380.
19. Семенов В.И. Охрана труда в СССР. – Минск: Наука и техника, 1976, с. 19; Советское трудовое право / Под ред. А.С. Пашкова, О.В. Смирнова. – М.: Юрид. лит., 1982, с. 383.
20. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред. Ю.Д. Северин. – М.: Юрид. лит., 1980, ст. 138 комм. 5; Besti NSV kriminaalkodeksi: Kommenteeritud väljaanne / Koost. I. Rebane – Parand. ja täiend. trükk. – Tln.: Eesti Raamat, 1980, § 135 комм. 6.
21. Борисов В.И. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – Харьков: Вища школа, 1977, с. 29.

22. Правила техники безопасности в строительстве, утв. постановлением Государственного комитета СССР по делам строительства от 9 июня 1980 г. № 82 – Государственный Комитет СССР по делам строительства. Строительные нормы и правила: Правила производства и приемки работ: Техника безопасности в строительстве. – М.: Стройиздат, 1980.
23. Борисов В.Н. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – Харьков: Вища школа, 1977, с. 37; Курс советского уголовного права / Под ред. Н.А. Беляева. – Б.М.: Изд-во ЛГУ, 1981, т. 5, с. 133.
24. Кузнецов В. Разграничение ответственности по статьям 140 и 215 УК РСФСР. – Советская юстиция, 1971, № 3, с. 27.
25. Борисов В.Н. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. – Харьков: Вища школа, 1977, с. 40.
26. Мельникова Д.Б., Беляева Н.В., Пляшаков А.В. Уголовная ответственность за нарушение правил охраны труда. – М.: Б.и., 1980, с. 32.
27. Лановенко И.П., Скрипник А.Н., Розовский Б.Г. Безопасность труда в горной промышленности и уголовный закон: (Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические аспекты). – Киев: Наукова Думка, 1978, с. 54.
28. Комментарий к Уголовному кодексу БССР / Под ред. Л.К. Зайцева. – Минск: Изд-во ВГУ, 1976, ст. 209 комм. I.
29. Эпельбейм И.М. Уголовно-правовая охрана безопасности работ в шахтах / Под ред. Н.С. Гагарина, М.М. Мукушева. – Караганда: Б.и., 1971, с. 74.
30. Единые правила безопасности при разработке рудных, нерудных и рассыпных месторождений подземным способом. – М.: Недра, 1961.
31. Единые правила безопасности при разработке месторождений полезных ископаемых открытым способом. – М.: Недра, 1972.
32. Правила безопасности в угольных и сланцевых шахтах. – М.: Недра, 1973.
33. Правила технической эксплуатации угольных и сланцевых шахт. – М.: Недра, 1976.

34. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред. Ю.Д. Северин. - М.: Юрид. лит., 1980, ст. 138 комм. 2; Комментарий к Уголовному кодексу БССР / Под ред. Л.К. Зайцева. - Минск: Изд-во БГУ, 1976, ст.134, комм. 2.
35. П. 25 постановления № 3 Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. "О применении судами законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора". - Бюлл. Верховного Суда СССР, 1984, № 3, с. 30-31.
36. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Отв. ред. Ю.Д. Северин. - М.: Юрид. лит., 1980, ст. 138 комм. 5; Комментарий к Уголовному кодексу БССР / Под ред. Л.К. Зайцева. - Минск: Изд-во БГУ, 1976, ст. 134 комм. 4; Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. - Рига: Лиесма, 1967, ст. 133 комм. 2.
37. П. 25 постановления № 3 Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. "О применении судами законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора. - Бюлл. Верховного Суда СССР, 1984, № 3, с. 30-31.
38. В библиографическом справочнике Советское уголовное право (1961-1980 гг.) - М.: Юрид. лит., 1983, с. 372 и 384 в этой части весьма существенные пробелы.
39. См. выше сноску 5.
40. См., например: Курс советского уголовного права: Часть Особенная / Ред. колл. А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. - М.: Наука, 1971, с. 257.
41. См. выше, сноску 6.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОУЧАСТИЯ DE LEGE FERENDA

У.Э. Льюис

I. Соучастием согласно закону признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления (ст. 17, ч. I, Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик). Соучастие не создает каких-либо особых оснований уголовной ответственности. Оно предполагает применение общих принципов ответственности по советскому уголовному праву. В отношении соучастников в преступлении также применяется ст. 3 Основ. Однако имеется определенная законотехническая специфика при установлении ответственности за соучастие в преступлении. В Особенной части УК предусмотрена ответственность за совершение преступления, как правило, исходя из предположения их совершения одним лицом. Поэтому в статьях Особенной части УК предусмотрена ответственность только исполнителя.

Согласно ст. 17, ч. 2, Основ соучастниками преступления наряду с исполнителями признаются организаторы, подстрекатели и пособники, т.е. лица, поведение которых описано ч. 4-6 этой же статьи. Статья 17 Основ (ст. 17 Общей части УК ЭССР) расширяет диспозиции статей Особенной части и открывает возможность применения санкций, связанных с этими диспозициями, также к организаторам, подстрекателям и пособникам. Они наряду с исполнителями должны нести ответственность за совместно совершенное преступление. Между тем в Общей части УК нет прямого указания на такую ответственность, хотя действующее уголовное законодательство предполагает уголовную ответственность соучастников в тесном смысле — организаторов, подстрекателей и пособников. Этот вывод напрашивается из части 7, ст. 17 Основ, где сказано, что степень и характер участия каждого из соучастников в совершении преступления должны быть учтены судом при назначении наказания. Назначить наказание возможно, однако, только тому лицу, которое признано виновным в совершении преступления. Было бы желательно устранить этот пробел в законе и дополнить Основы положением, согласно которому уголовной ответственности по статьям

закона, предусматривающим совершение им деяния, подлежат все соучастники преступления. Впрочем, подобный пробел налично и в статье о приготовлении к преступлению и покушения на него (ст. 15 Основ).

2. Субъектом преступления по советскому уголовному праву признается только физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Ряд видов преступлений в качестве субъекта, однако, предполагает лицо, обладающее еще дополнительными признаками. Поэтому советскому уголовному праву наряду с общим понятием субъекта преступления известно также понятие специального субъекта преступления.

Вопрос о специальном субъекте преступления не вызывает каких-либо затруднений в тех случаях, когда преступление совершено кем-либо единолично. Само собой разумеется, что если лицо, совершившее единолично преступление со специальным субъектом, качествами специального субъекта не обладает, то его ответственность за это преступление исключается. Вопрос о специальном субъекте преступления вызывает затруднения тогда, когда это преступление совершено несколькими лицами сообща. Этот вопрос сводится к следующему: кто из соучастников в тесном смысле должен соответствовать признакам специального субъекта и как определяется ответственность тех соучастников, которые качествами специального субъекта не обладают?

В науке советского уголовного права, а также судебной практики общепризнано, что качествами специального субъекта должен обладать исполнитель преступления. Если же он не отвечает признакам специального субъекта, то его ответственность за преступления со специальным субъектом исключена. Что же касается соучастия в тесном смысле в преступлениях со специальным субъектом со стороны лиц, не обладающих качествами специального субъекта, то вопрос об их ответственности прямо разрешен в Законе Союза СССР от 25 декабря 1958 г. "Об уголовной ответственности за воинские преступления". В ст. I, ч. 3, этого закона указывается: "...соучастие в воинских преступлениях лиц, не упомянутых в настоящей статье, влечет ответственность по соответствующим статьям настоящего Закона" /1/. Это положение кодифицировано в ст. 212 Особенной части УК ЭССР в виде части третьей. Но распространяется ли это положение и на другие преступления со специальным субъектом? Большинство ученых отвечает на этот вопрос положительно. Так же решаются вопросы квалификации соучастия в

преступлении и в руководящих разъяснениях судебной практики /2/. Следовательно, правило, содержащееся в ст. 212, ч. 3, УК ЭССР и в соответствующих статьях Особенной части УК других союзных республик, по сути дела — норма Общей части УК. Для стройности архитектоники УК и для исключения разногласий по этому вопросу следовало бы дополнить Общую часть УК соответствующим положением.

3. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не содержат постановлений о том, как обстоятельство, относящиеся только к одному из соучастников и характеризующие по закону личность субъекта, влияют на квалификацию деяний других соучастников. Этот вопрос недостаточно четко решается и в теории советского уголовного права, а в судебной практике отмечается определенная непоследовательность.

Обстоятельствами, характеризующими по закону личность субъекта, являются, в частности, судимость (ст. 68, ч. 2; 86, ч. 2, УК ЭССР), повторность (ст. 88, ч. 2, п. 2; 89, ч. 2, п. 3, и др. УК ЭССР), особо опасный рецидив (ст. 88, ч. 4, п. 2, и др. УК ЭССР), статус матери новорожденного ребенка (ст. 102 УК ЭССР), несовершеннолетие в возрасте от 14 до 16 лет и др.

Вопрос о значении обстоятельств, характеризующих личность соучастника преступления, при квалификации содеянного другим соучастником в тесном смысле решается советскими криминалистами в основном одинаково: личные обстоятельства, относящиеся к отдельному соучастнику, — исполнителю, организатору, подстрекателю или пособнику — оказывают влияние на квалификацию деяний только того соучастника, к которому они непосредственно относятся /3/. Однако высказано и другое мнение, согласно которому "те особенности субъекта преступления, которые выделены в законе в качестве основных или квалифицирующих признаков состава преступления, подлежат вменению остальным соучастникам, если эти обстоятельства охватывались их умыслом" /4/. Правильность таких утверждений опровергается тем, что основанием повышения или уменьшения ответственности является в данном случае не деяние, а обстоятельство, относящееся исключительно к личности одного из виновных. Точка зрения Верховного Суда РСФСР по этому вопросу выражена в определении его Судебной коллегии по уголовным делам от 16 декабря 1967 г. по делу Н. В нем указывается, что квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к личности

исполнителя (совершение преступления повторно, особо опасным рецидивистом), не вменяется в ответственность соучастникам, если даже эти обстоятельства и охватывались их сознанием /5/. Так решаются вопросы квалификации и в судебной практике Эстонской ССР /6/. Такая практика вполне обоснована и находится в соответствии с принципом индивидуальной ответственности соучастников.

В кодексах многих стран, в том числе и социалистических (ст. 26 УК Швейцарии 1937 г.; ст. 17 УК ПНР 1969 г.; п. 5 ст. 22 УК ГДР 1969 г.), содержатся положения о влиянии обстоятельств, относящихся к личности одного из соучастников, на ответственность других. Такой нормой следовало бы дополнить и Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

4. Неудачной представляется редакция п. 6 ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В п. 6 ст. 34 Основ обстоятельствами, отягчающими при назначении наказания ответственность, признаются подстрекательство несовершеннолетних к совершению преступления или привлечение несовершеннолетних к участию в преступлении.

При подобной редакции непонятно, что имеет в виду п. 6 ст. 34 Основ. Участием в совершении преступления согласно ч. 1 ст. 17 Основ признается соучастие как умышленная совместная деятельность двух или более лиц в совершении преступления. Поскольку об умысле можно говорить применительно только к действиям лиц, достигших возраста уголовной ответственности и находящихся в момент совершения общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом, в состоянии вменяемости, то следует полагать, что п. 6 ст. 34 Основ под несовершеннолетними подразумевает только лиц, уже достигших возраста уголовной ответственности. Но в таком случае возникает следующий вопрос: в чем состоит различие между подстрекательством к преступлению и привлечением несовершеннолетних к участию в преступлении. Если подстрекательство к преступлению является лишь одним из видов привлечения к участию в преступлении, то выделение подстрекательства среди других видов соучастия вызывает лишь недоразумения. Наиболее опасным видом привлечения несовершеннолетнего к участию в преступлении является отнюдь не подстрекательство, а организация преступной деятельности с участием несовершеннолетнего. Об этом в п. 6 ст. 34 Основ, однако, речи нет. Представляется более удачным исключить упоминание о подстре-

кательстве несовершеннолетнего к совершению преступления из текста п. 6 ст. 34 Основ и в общей форме говорить о привлечении несовершеннолетнего к участию в совершении преступления, подразумевая под несовершеннолетними лиц, достигших возраста уголовной ответственности и действовавших в состоянии вменяемости. К таким лицам должны быть привлечены лица, способность которых отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими ограничена, т.е. лица, ограниченно вменяемые.

С другой стороны, особо должно быть упомянуто в п. 6 ст. 34 Основ использование для совершения преступления лиц, в том числе и несовершеннолетних, которые не подлежат уголовной ответственности. К таким лицам относятся несовершеннолетние, не достигшие уголовной ответственности (т.е. малолетние), и лица, заведомо для виновного находящиеся в состоянии невменяемости.

5. По поводу квалификации неудавшихся организаций преступления, подстрекательства и пособничества в теории советского уголовного права господствует мнение, согласно которому такое неудавшееся соучастие — это создание условий для совершения преступления. Поэтому неудавшиеся организация преступления, подстрекательство и пособничество нельзя рассматривать как соучастие в преступлении. Они квалифицируются как приготовление к тому преступлению, которое организовало, к которому подстрекало или помогало лицо /7/. Ссылка на ст. 17 отсутствует. Однако некоторые ученые, например Б.А. Куринов, полагают, "что такая квалификация не отражает факта наличия соучастия, специфики преступной деятельности подстрекателя и пособника в процессе создания условий совершения преступления, и в частности, не дает возможности учесть характер и степень участия их в подготовке преступления. На все эти обстоятельства указывается в ст. 17 Основ, на которую наряду со ст. 15 УК необходимо сослаться при квалификации содеянного" /8/. С этим трудно согласиться. Согласно ст. 17, ч. 1, Основ соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Следовательно, если не удалось склонить лицо к совершению преступления, а организаторские усилия остались без результата, то нет соучастия, т.к. отсутствует совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Неудавшееся организаторство, подстрекательство и пособничество должны рассматриваться как приготовление к преступлению. Согласно

ст. 15 ч. 1, Основ приготовления к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий или иное умышленное создание условий для совершения преступления. Текст ч. 1 ст. 15 Основ следовало дополнить словами "подыскание соучастников".

Ниже приводится проект изменений и дополнений Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Проект

1. Часть 1 статьи 15 изменить и изложить в следующей редакции:

"1/ Приготовление к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий, подыскание соучастников или иное умышленное создание условий для совершения преступления".

2. Статью 17 изменить и изложить в следующей редакции:

"Статья 17. Понятие соучастия

/1/ Соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления.

/2/ Соучастниками преступления наряду с исполнителями признаются организаторы, подстрекатели и пособники.

/3/ Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление.

/4/ Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением.

/5/ Подстрекателем признается лицо, склонившее к совершению преступления.

/6/ Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением средств или устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника орудия и средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем".

3. Дополнить Основы статьей 17¹ следующего содержания

"Статья 17¹. Ответственность соучастников

/1/ Уголовной ответственности по статьям закона, предусматривающим совершенные им деяния, подлежат все соучастники преступления.

/2/ Ответственность соучастников, указанных в ст. 17, частях 4, 5 и 6 настоящих Основ, не исключается при отсутствии у них признаков, необходимых в соответствии с законом,

для признания лица исполнителем данного преступления.

/3/ Особые личные отношения, свойства и обстоятельства, которые повышают, смягчают или исключают ответственность, учитываются в отношении лишь того соучастника, на стороне которого они имеются.

/4/ Степень и характер участия каждого из соучастников в совершении преступления должны быть учтены судом при назначении наказания".

4. Пункт 6 статьи 34 изменить и изложить в следующей редакции:

"/6/ привлечение к участию в совершении преступления несовершеннолетних или лиц, способность которых отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими ограничена, а равно использование для совершения преступления лиц, которые не подлежат уголовной ответственности".

Литература и примечания

1. В редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1973 г. - Ведомости Верховного Совета СССР, 1973, № 48, ст. 679.

2. Подробнее об этом см.: Льхмус У. Квалификация действий соучастника в преступлении, не обладающего признаками специального субъекта. - Уч. зап. Тарт. ун-та, 1984, вып. 666, с. 38-42.

3. Курс советского уголовного права: Часть Общая /Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968, т. I, с. 629; Курс советского уголовного права. В 6-ти т. / Ред. колл. А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.И. Чиквадзе. - М.: Наука, 1970, т. 2, с. 482; Советское уголовное право: Часть Общая / Под ред. П.И. Гришаева, Б.В. Здравомыслова. - М.: Юрид. лит., 1982, с. 237 и др.

4. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. - Б.м.: Изд-во Моск. ун-та, 1984, с. 156.

5. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1968, № 6, с. 14.

6. Уг. дело № I-151/1981 г. народного суда г. Тарту; Уг. дело № I-114/1982 г. Йыгеваского районного суда; Уг. дело № I-183/1981 г. Раквереского районного суда и др.

7. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941, с. 127; Ковалев М.И. Соучастие в преступлениях. Часть вторая: Виды соучастников и формы соучастия в

преступной деятельности. - Уч. тр. Свердл. пр. ин-та, т. 5. Сер. уголовное право. Свердловск: Б.и., 1961, с. 182-183; Курс советского уголовного права: Часть Общая / Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968, т. I, с. 631; Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. - М.: Юрид. лит., 1974, с. 158 и др.

8. Советское уголовное право, Общая часть / Под ред. Г.А. Кригера, Б.И. Куринова, Ю.М. Ткачевского. - Б.и.: Изд-во Моск. ун-та, 1981, с. 275-276.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЭССР
ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО
СЕМЕЙНЫМ МОТИВАМ

Я.Я. Соотак

1. Применение уголовного закона предполагает глубокое знание признаков субъективной стороны преступления, в том числе и мотива преступления. В случае совершения преступления по семейным обстоятельствам возникает некоторые специфические вопросы применения уголовного закона, которые, однако, играют существенную роль и в разработке более общих вопросов, связанных с понятием мотива в криминологическом и уголовно-правовом смысле.

2. Одна из подобных проблем - совершение преступления по мотиву ревности. В юридической литературе существует несколько подходов к этому вопросу. Первый из них - это одностороннее, жесткое определение ревности как низменного побуждения /1/. Следующим по глубине научного познания можно считать более гибкий подход, согласно которому ревность является естественным состоянием человека, чувством, тонизирующим любовь и вносящим в нее элемент здорового беспокойства /2/. Третий подход - это отказ от приписывания мотивам преступления исключительно социально негативной окраски /3/, презумирование того обстоятельства, что один и тот же мотив, в том числе и ревность, может породить как преступное, так и социально одобряемое поведение /4/.

Следовательно, для определения мотива преступления и правильной квалификации содеянного необходимо установление ряда дополнительных обстоятельств, раскрывающих содержание мотива ревности и выделяющих данный мотив среди всех прочих.

3. Ярким примером вышесказанного является разграничение мотива ревности и хулиганского побуждения. Хулиганство - это преступление, заключающееся в выражении явного неуважения к обществу и нарушающее общественный порядок. Ревность, наоборот, чувство личного, интимного характера. На первый взгляд представляется, что для правильной квалификации преступления

одно из этих побуждений необходимо элиминировать, т.е. необходимо выяснить, чем руководствовался виновный — мотивом ревности или хулиганскими побуждениями. Однако бывает ситуация, где подобное элиминирование невозможно. Например, совершение преступления в семейно-бытовой сфере, точнее, так называемое бытовое или квартирное хулиганство. Практика показывает, что это преступление может быть обусловлено одновременно как ревностью, так и желанием выразить явное неуважение к обществу. Сказанное отнюдь не означает неосуществимости рассматриваемого разграничения конкретных преступлений. Такое разграничение даже необходимо уже с точки зрения квалификации преступления. Ведь далеко не одно и то же — квалифицировать преступление, например, по ст. 113 (насильственные действия) либо по ст. 195 (хулиганство) УК ЭССР. Но подобное разграничение невозможно при попытке выяснить единственное и определяющее побуждение. Виновный может учинить дома скандал, избить жену или других членов семьи, сломать мебель, руководствуясь при этом желанием показать "всему миру", что он единовластный хозяин в своей семье, что его жена не имеет права обращать внимание на других мужчин и т.д. Иными словами, виновный здесь руководствуется чувством ревности, могущим даже иметь реальное основание в смысле определенного поведения другого супруга, но в поведении его усматривается и явное неуважение к обществу /5/.

4. Данный вопрос может быть рассмотрен как так называемая конкуренция мотивов, т.е. такая ситуация, в которой виновный руководствуется несколькими мотивами, один из которых является наиболее существенным и определяющим поведение лица /6/. Однако окончательного разрешения рассматриваемой ситуации такая позиция не дает. Во-первых, выделение одного, решающего для поведения виновного мотива крайне трудно, а порой и невозможно. Во-вторых же, квалификация поведения виновного во многом зависит не от единственного, определяющего его поведение и осознанного им мотива, а от иных, в том числе и внешних факторов: в случае совершения преступления в семейной сфере — от взаимоотношений в семье, от поведения другого супруга, присутствующих и т.д., которые оказывают сильное влияние на выбор виновным варианта поведения.

5. Один из путей решения рассматриваемого вопроса заключается в четком разграничении мотивов первичного и вторичного характера. Первичная мотивация — это сложный, многоплановый мотивационный процесс борьбы и сосуществования различных

формирующих поведение мотивов. Вторичная мотивация ведет виновного к конкретному поступку, содержащему признаки того или иного преступления в уголовном законе /7/. Иными словами, первичная мотивация представляет собой сложную гамму мотивов, важную для криминологической характеристики преступления и механизма преступного поведения, т.е. для криминологии. Вторичная же мотивация имеет преимущественно уголовно-правовое значение как элемент состава преступления /8/.

Следует, однако, усомниться в том, что пары понятий "первичная и вторичная мотивация" и "мотивы криминологического и уголовно-правового характера" полностью совпадают. Сложный и многоплановый процесс мотивации автономен и целостен и, по всей вероятности, исходит из потребностей и ценностных установок личности (становление последних, в свою очередь, уходит корнями в раннюю стадию социализации личности, т.е. в детство). Нет, однако, никакого основания полагать, что именно конечная, завершающая стадия этого мотивационного процесса совпадает с мотивом, предусмотренным в законе как признак данного преступления. Правильнее было бы разделить мотивы на две группы: 1) мотивы, являющиеся элементами всего мотивационного процесса, мотивы деятельности (мотивы криминологического или психологического значения) и 2) мотивы, предусмотренные уголовным законом как элементы состава преступления, мотивы преступления (мотивы уголовно-правового значения). Возьмем в пример следующую цепь мотивации: супружеская неверность жены — ревность мужа — желание мужа отомстить — новое проявление супружеской неверности жены — конфликт между супругами — убийство мужем жены в состоянии аффекта, вызванном тяжким оскорблением со стороны жены. Рассуждение на предмет установления единственного, "истинного" мотива преступления — месть ли, ревность ли, или еще что-нибудь — было явно схоластичным. С точки зрения применения уголовного закона значение имеет исключение таких мотивов убийства как совершение преступления из корысти, из хулиганского побуждения или по иным мотивам, предусматривающим квалификацию содеянного по ст. 101 п. 1 и 2, УК ЭССР. Более того, предположим, что муж решил убить жену с целью избавиться от уплаты алиментов, так как подозревает ее в измене и даже имеет на то реальные основания, причем отношения между супругами длительное время оставались непрямыми. Убийство супруга при таких обстоятельствах квалифицируется по ст. 101, п. 1, УК ЭССР, несмотря на то, что не-

посредственным мотивом убийства была ревность и неприязнь, вызванные очередной изменой, а в качестве всех мотивов преступления можно назвать и корысть, и ревность, и неприязнь.

Итак, разделение мотивов на криминологические и уголовно-правовые имеет большое значение для анализа мотивационного процесса и правильного применения уголовного закона. Но при этом остаются нерешенными некоторые аспекты мотивационного процесса и установления мотива преступления, рассмотренные в контексте с такими категориями, как психологические защитные механизмы и неосознаваемые мотивы преступления.

6. Психологическая защита — это вытеснение из сознания неприятного, травмирующего материала, осознанное или неосознанное блокирование этого материала /9/. Так, С.Г. Пацкория, выделяя шесть форм психологической защиты, определяет некритическое отношение субъекта к преступлению как неосуждающую, примиренческую, морально-неадекватную оценку, обусловленную стремлением субъекта не замечать, не признавать грубого нарушения моральных принципов и реализующуюся в таких формах психологической защиты как вытеснение, рационализация, этическая мотивировка преступления, проекция, цинизм, компенсация, регрессия. Подобное некритическое отношение позволяет субъекту пренебречь моральным контролем, регулятивной функцией моральных принципов и представляет собой тем самым криминогенный фактор /10/.

Итак, психологическая защита — это один из аспектов мотивационного процесса. Субъект преступления осознает мотивом своего поведения (фактически — преступления) социально и морально позитивный смысл /11/. Такая ситуация имеет особое значение именно в семейно-бытовой сфере, где преступник, с одной стороны, действительно пренебрегает такими моральными нормами как уважение личности другого человека (в конкретном случае своей супруги), человеческое достоинство и т.д., а с другой стороны, "питается" еще сохранившимися нормами морали пережиточного характера, согласно которым муж — это полновластный глава семьи, которому жена обязана всецело и безоговорочно подчиняться. Муж, избивая свою эмансипированную жену за то, что она, по его мнению, слишком свободно общается с другими мужчинами и т.д., убежден в том, что он выступает за "правое дело" — за сохранение монолитной семьи, в интересах возвращения жены в лоно семьи и т.д. Конечно, на практике возможны разные переходные варианты, начиная с искреннего убеждения в том, что муж действует в интересах

семьи, и кончая самооправданием лица, которое прекрасно отдает себе отчет в преступном характере своего поступка. Нередки случаи, когда жертва преступления (жена) сама считает себя виновной в совершенном против нее преступлении или, иными словами, своим поведением и своей установкой поддерживает психологическую защиту своего супруга.

В подобных ситуациях вряд ли можно сказать, что виновного побудил к действию определенный мотив, конкретное осознанное побуждение. Мотив преступления кроется в сложном и в некотором смысле противоречивом процессе, в котором переплетены различные объективные и субъективные обстоятельства: убеждение виновного в правильности своего поведения (он полагает, что действует в интересах сохранения семьи); поведение эмансипированной жены (или, наоборот, жены, которая признает мужа полновластной главой семьи, подавляя при этом свое собственное достоинство, создающее объективную основу психологической защиты мужа); осознание виновным полностью или частично неправильности своего поведения и т.д. В судебной практике преступления, совершаемые при таких обстоятельствах, квалифицируются в большинстве случаев как преступления против личности (совершенные по мотивам ревности) или как хулиганство. Установление того или иного мотива (т.е. ревности или хулиганского побуждения) в первую очередь зависит от подробного анализа ситуации совершения преступления и характера взаимоотношений между виновным и потерпевшим, т.е. от объективных обстоятельств. Иными словами, за основу квалификации содеянного берется один из мотивов уголовно-правового (так называемого "вторичного") характера, независимо от того, насколько правильно виновный осознал этот мотив как побуждение к совершенному преступлению.

7. Вопросы неосознаваемых мотивов преступления только в последнее время нашли отражение в юридической литературе /12/. Так, К.Е. Игошев, изучая преступные проявления среди молодежи, указывает на большой удельный вес так называемых безмотивных преступлений. Например, по его данным, 45,9% преступников в возрасте от 18 до 25 лет совершают преступления по мотивам, которых они сами не могут четко определить /13/. Одну из причин этого явления автор усматривает в стремлении субъекта к самореабилитации /14/, что по существу есть психологическая защита.

Ю.М. Антонян, С.В. Бородин и Е.Г. Самовичев связывают неосознаваемые мотивы с недостаточной семейной социализацией

лица в детстве, которую они трактуют как отсутствие внутри-семейной идентификации и взаимных эмпатий в семье. Это в свою очередь приводит к неспособности человека подчинять свои интересы интересам других членов семьи, т.е. к семейным конфликтам /15/.

Из этих же предпосылок исходят и Ю.М. Антонян и Е.Г. Самовичев при изучении психологического механизма насильственного преступного поведения. Они утверждают, что преступник в отношении с людьми до и во время совершения преступных действий бессознательно воспроизводит или пытается воспроизвести те отношения, которые имели место в его жизни и сформировали его личность /16/. Например, в качестве одной из наиболее характерных в психологической структуре лиц, осужденных за убийство, является эмоция страха, порожденная так называемой экзистенциальной тревогой /17/.

С точки зрения настоящей статьи приведенные разработки могут быть рассмотрены в качестве анализа мотивации так называемого первичного или криминологического порядка, как анализ всего мотивационного состояния лица. Вопросы "выхода" этих мотивов в уголовное право, т.е. аспекты вторичной мотивировки авторами не изучаются.

А.Ф. Зелинский связывает неосознаваемую психологическую деятельность с концентрацией многоуровневой саморегуляции, выработанной В.А. Ядовым /18/. В зависимости от социального значения действия и психологического состояния индивида ведущая мотивирующая роль принадлежит тому или иному уровню саморегуляции. В стрессовой ситуации происходит "расшатывание" диспозиционной системы и усиливается влияние низших установок, в результате чего и совершаются недостаточно осознанные действия /19/.

Представляется, что рассмотренные конструкции Ю.М. Антоняна, С.В. Бородина и Е.Г. Самовичева, с одной, и А.Ф. Зелинского, с другой стороны, друг другу не противоречат. Многоуровневая саморегуляция — это форма построения системы установок, своего рода "процессуальная форма" мотивации, а также механизм функционирования установок на разных уровнях. Недостатки семейной социализации в детстве могут быть рассмотрены как содержание установок или происхождение той или иной установки, которая, разумеется, не претендует на исчерпывающее рассмотрение всего содержания установок.

А.Ф. Зелинский прямо ставит вопрос о соотношении психологического мотивационного процесса с уголовно-правовой ха-

ра характеристикой преступного поведения. Так, по его данным, почти половина опрошенных назвала мотивом преступления побуждения, не соответствовавшие выводам следователя и суда /20/. Он полагает, что в случае заблуждения виновного лица относительно мотивов своих преступных действий, когда закон предусматривает специальный мотив преступления, квалификация содеянного не всегда должна зависеть от того, насколько правильно осознал виновный свои побуждения /21/. К этому, на наш взгляд, можно прибавить, что правильность осознания преступником мотива преступления не должна влиять на квалификацию содеянного и в том случае, когда закон не предусматривает мотива преступления (например, умышленное убийство из ревности без отягчающих обстоятельств, ст. 100 УК ЭССР). Установление мотива преступления в таком случае обязательно, а происходит это путем подробного анализа всех обстоятельств преступления, в том числе и ситуации совершения преступления, взаимоотношений между супругами и т.д.

Так или иначе, знак равенства между мотивом преступления как признаком состава преступления (независимо от того, предусмотрен ли этот мотив прямо в уголовном законе) и осознанным побуждением к преступлению, не всегда возможен. Мотив преступления, имеющий уголовно-правовое значение, в случае совершения преступления в семейно-бытовой сфере может содержать в себе оценку обстоятельств совершения преступления и не совпадать с представлением виновного о побуждении своего поступка.

Литература и примечания

1. См., напр.: Анимянц М.К. Ответственность за преступления против жизни по законодательству союзных республик. - М.: Юрид. лит., 1964, с. 122; Волков Б.С. Мотив и квалификация преступления. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968, с. 97; Наумов А.В. Мотивы убийства. - Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1969, с. 83.
2. Шимин Н.Д. Коммунистическая мораль и семья. - Горький: Изд-во Горьк. пед. ин-та, 1975, с. 58; Дркевич Н.Г. Советская семья. - Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1970, с. 167.

3. См., напр.: Шестаков Д.А. Убийства на почве семейных конфликтов. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981, с. 97.
4. Антонян Д.М., Самовичев Е.Г. Неблагоприятные условия формирования личности в детстве и вопросы предупреждения преступлений. (Психологические механизмы насильственного преступного поведения): Учеб. пос. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1983, с. 42.
5. См. подробнее: Соотак Я.Я. Так называемое квартирное хулиганство. - Сов. право, 1977, № I, с. 26-28.
6. См., например: Волков В.С. Указ. соч., с. 18.
7. Автор этой конструкции - Ю.М. Лившиц. См.: Лившиц Ю.М. Личность и общественный порядок. - Таллин: Эсти Раамат, 1975, с. 61-63.
8. Там же, с. 62-63.
9. О психологической защите см., напр.: Ком И.С. Открытие "Я". - М.: Госполитиздат, 1978, с. 63.
10. См.: Пацкория С.Г. Типы отношений субъекта к собственному преступлению и их криминологическая характеристика: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тбилиси: Тбилисс. ун-т, 1983, с. 11-13.
11. Данную форму психологической защиты С.Г. Пацкория называет "этической мотивировкой преступления". - См.: Пацкория С.Г. Указ. соч., с. 11.
12. См.: Ратинов А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход. В кн.: Личность преступника как объект психологического изучения. М.: Изд-во Всесоюз. ин-та ИПИРМПП, 1979, с. 18.
13. См.: Игошев К.Е. Психология преступных проявлений среди молодежи: Учеб. пос. - М.: Высшая школа МВД СССР, 1971, с. 63-64.
14. См.: Игошев К.Е. Указ соч., с. 83-84.
15. См.: Антонян Д.М., Бородин С.В., Самовичев Е.Г. О некоторых неосознаваемых мотивах систематического занятия бродяжничеством. - В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. - М.: Дрид. лит., 1982. вып. 36, с. 8.
16. См.: Антонян Д.М., Самовичев Е.Г. Указ. соч., с. 47-48.
17. Там же, с. 23, 27-28.
18. См.: Зелинский А.Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности. - Сов. государство и право, 1984, № 9, с. 53. Автор ссылается на следующую работу: Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. - Л.: Наука, 1979, с. 264.

19. См.: Зелинский А.Ф. Указ. соч., с. 53.
20. Там же, с. 53.
21. Там же, с. 56.

ALAEALISTE KRIMINAALASJADE EELUURIMIST
REGULEERIVATE NORMIDE TÄIUSTAMISEST
EESTI NSV KRIMINAALPROTSESSI KOODEKSIS

H. Saarsoo

1. Võitluses igasuguste negatiivsete nähtuste vastu, sealhulgas kuritegevuse vastu tuleb ära kasutada ka seaduse jõudu. Riigiorganid on kohustatud pidama resolootset võitlust kuritegevuse vastu, hoidma ära igasuguseid õiguserikkumisi ja kõrvaldama nende tekkepõhjused /1, lk. 58/.

Võitlus alaealiste kuritegevuse vastu toimub väga mitmesugustes vormides. Kuni käesoleva ajani on nende vormide hulgas veel küllaltki oluline koht kriminaalõiguslikul tegevusel, eriti nende noorte hulgas, kes ei taha alluda sotsialistliku ühiselu reeglitele ja panevad toime kuritegusid. Kriminaalõigus on aga lahutamatult seotud kriminaalprotsessiga, sest üksnes kriminaalprotsessi kaudu leiab materiaalne kriminaalõigus teostamist ja rakendamist elus. Seega on kriminaalprotsessil tähtis osa ka alaealiste kuritegevuse vastases võitluses. Seda täidab ta alaealiste kuritegude eeluurimisel ja kohtulikul arutamisel, mida reguleerivad kriminaalprotsessi normid.

NSV Liidu ja liiduvabariikide kriminaalkohtumenetluse alustes ei reguleerita kohtumenetluse eriküsimusi alaealiste kriminaalasjades. See tingib nende erineva lahendamise liiduvabariikide seadustes. Mõnedes liiduvabariikides ei leia sellekohased eeskirjad vajalikku kajastamist ka kriminaalprotsessi koodeksites.

Nii on Vene NFSV ja Ukraina NSV kriminaalprotsessi koodeksites kõnesolevad normid koondatud eripeatükki (vastavalt 32. ptk., §-d 391 - 402 ja 36. ptk., §-d 432 - 447). Seevastu näit. Eesti NSV ja Läti NSV kriminaalprotsessi koodeksites on need hajutatud laiali üldnormide vahele.

Sõltumata kõnesoleva küsimuse lahendamisest liiduvabariikide kriminaalprotsessi seaduses tuleb alaealiste kriminaalasjade eeluurimisel ja kohtulikul arutamisel järgida nii üld- kui ka erinorme. Viimased ei välista kriminaalprotsessi üldnorme, vaid täiendavad neid. Sellest aga,

kui üksikasjalikult on reguleeritud kriminaalprotsessi menetlus, sõltub paljus ka alaealiste kuritegevuse vastase võitluse efektiivsus. Viimane tingibki vastavate protsessinormide pideva täiustamise vajaduse.

2. Beluurimisel on keskseks sündmuseks kuriteo toimepannud isiku süüdistatavana vastutusele võtmine. Vastavalt ENSV KrPK §-le 35 lg. 1 nimetatakse süüdistatavaks isikut, kelle suhtes on tehtud määrus kriminaalvastutusele võtmise kohta seaduses ettenähtud korras, s.t. et alates süüdistatavana vastutusele võtmise määruse koostamise momendist muutub isik, kelle suhtes nimetatud määrus tehti, süüdistatavaks.

Viimati öeldul on suur protsessuaalne tähtsus. Seoses süüdistatava ilmumisega protsessi saab kogu eeluurimine teatud kindla suuna. Süüdistatav tutvub vastava määrusega ja saab teada, milles teda süüdistatakse. Muutub ka tema protsessuaalne seisund. Omandab ta ju nüüd ENSV KrPK §-s 35 lg. 2 ettenähtud süüdistatava õigused, mis annavad talle reaalse garantii ennast kaitsta esitatud süüdistuse vastu. Eriti oluline on see alaealiste kuritegude puhul, sest vastavalt ENSV KrPK §-le 38 lg. 2 lubatakse süüdistuse esitamise momendist asjast osa võtta kaitsjal.

Kui analüüsida kaitsja õigusi, mis on sätestatud ENSV KrPK §-s 37 lg. 2, siis seaduse teksti grammatilisest tõlgendamisest järeldub, et kaitsja võib viibida süüdistatava ülekuulamise ja teiste uurimistoimingute juures ainult "uurija loal". Tekib küsimus, milles seisneb siis kaitsja eeluurimisest osavõtu kohustuslikkus alates süüdistuse esitamisest, kui tema viibimine sellele järgneva ülekuulamise juures sõltub uurija tahtest? Samuti jääb arusaamatuks, kuidas garanteeritakse kaitsjale tema õigus viibida uurija loal teiste uurimistoimingute juures? Kas uurija peab kaitsjat informeerima kõigist eelseisvatest uurimistoimingutest, et viimane saaks taotleda nende juures viibimiseks uurijalt luba? Uurija aga, saades kaitsja taotluse, otsustaks, kas lubada tal viibida uurimistoimingute juures või mitte. Nähtavasti hakkaks asja selline käik takistama eeluurimist ja oleks vastuolus ka kriminaalprotsessi ülesannetega. See aga omakorda viitab vajadusele formuleerida kriminaalprotsessi normid selliselt, et nende suvalise tõlgendamise võimalused oleksid minimaalsed. Tuleb toetada Eesti

NSV kriminaalprotsessi koodeksi kõnesoleva paragrahvi kommenteerimisel avaldatud seisukohta: Kui kaitsjal on lubatud asjaast osa võtta alates süüdistuse esitamise momendist, siis on uurija kohustatud (autori sõrendus - H.S.) võimaldama kaitsjal viibida süüdistuse esitamise ja süüdistatava ülekuulamise juures" /2. § 37 komm. 6 "h"/. Mis aga puutub kaitsja viibimisse teiste uurimistoimingute juures, siis on süüdistatava kaitseõiguse teostamiseks küllaldane, kui kaitsja viibib uurija loal tema enda või süüdistatava taotlusel toimuvate uurimistoimingute juures. Põhjuseks uurija koeldumisele rahuldada kaitsja taotlus võivad olla näiteks järgmised asjaolud: 1) kui pole otstarbekohane laiendada uurimistoimingutest osavõtjate ringi; 2) kui pole võimalik ette kindlaks määrata uurimistoimingu kohta ja aega või kui kaitsja ise ei saa määratud ajaks kohale tulla /2, § 37 komm. 6 "h"/.

Eltoodust lähtudes on vaja muuta ENSV KrPK § 37 lg. 2 viimast lauset järgmiselt: "Peale selle võib kaitsja viibida süüdistatava ülekuulamise ja uurija loal ka muude uurimistoimingute juures, mis toimuvad süüdistatava või tema kaitsja taotlusel."

3. ENSV KrPK ei näe ette peale kaitsja veel kolmandate isikute osavõtu võimalust alaealisele süüdistuse esitamisest. Küll on aga Ukraina NSV KrPK § 438 lg. 2 järgi uurijale antud küllaltki laiad volitused otsustada, millal ja keda kutsuda süüdistuse esitamise juurde. Isikute hulka, keda on lubatud süüdistuse esitamise juurde kutsuda, kuuluvad peale kaitsja veel pedagoog või arst ja vanemad või teised alaealise seaduslikud esindajad. Nimetatud paragrahvi grammatilisest tõlgendamisest tuleneb, et ei kutsuta korraka arsti ja pedagoogi, vaid üks neist. Vajadus selleks võib tekkida näiteks juhul, kui süüdistatav viibib haiglas ja süüdistuse esitamist pole võimalik edasi lükata ning uurija peab vajalikuks raviarsti osavõttu sellest.

Kuna pedagoogi osavõtt süüdistuse esitamisele järgnevalt ülekuulamisest on seaduses ettenähtud juhtudel kohustuslik, siis tundub sellistel juhtudel kunstlikuna tema osavõtu keelamine süüdistuse esitamisest, seetõttu on otstarbekohane täiendada ENSV KrPK § 124 sättega, mille kohaselt nooremale kui kuuteistkümnendaastasele alaealisele süüdistuse esitamise juures viibib pedagoog.

4. Õiguskirjanduses rõhutatakse süüdistatava ülekuulamist kui tema kaitsmisvahendit, sest andes ütlusi temale esitatud süüdistuse kohta, esitab ta ühtlasi tõendeid enda kaitseks /3, lk. 225/. Sama mõte tuleneb ENSV KrPK §-st 35 lg. 2, mille kohaselt süüdistataval on õigus anda seletusi temale esitatud süüdistuses, samuti esitada tõendeid, milleks on ka tema ütlused.

Viimati märgitud seisukohta ei arvesta aga uurimisorganite töötajad alati oma tööpraktikas, mille tulemuseks võib olla isegi kriminaalprotsessi normide rikkumine. Kriminaalprotsessi kasvatuslike eesmärkide saavutamise eelduseks süüdistatava ülekuulamisel on aga nimetatud normide range järgimine, ilma milleta pole võimalik uurijal avaldada ülekuulatavale positiivset mõju, eriti alaealisele.

Enne süüdistuse esitamist võidakse kuriteo toimepannud isik üle kuulata kahtlustatavana juhul, kui tema suhtes on ENSV KrPK § 67 lg. 1 alusel kohaldatud tõkend või ta on ENSV KrPK § 102 korras kinni peetud kahtlustatavana. Praktikas esineb aga juhtumid, et kahtlustatav kuulatakse üle tunnistajana /4/. Seda tehakse juhul, kui ei olnud alust tema suhtes enne süüdistuse esitamist tõkendi kohaldamiseks ega ENSV KrPK § 102 korras kahtlustatavana kinnipidamiseks. Seega kuulatakse faktiline süüdistatav üle tunnistajana ning temalt võetakse allkiri hoiatamise kohta teadvalt vale ütluse andmise ja ütluste andmisest keeldumise eest ENSV KrK §-de 173 ja 175 järgi. ENSV KrPK § 35 lg. 2 järgi on süüdistataval õigus, mitte aga kohustus anda seletusi, samuti ütlusi (ENSV KrPK § 56). Järelikult rikutakse kõige jämedamalt süüdistatava kaitseõigust ja sunnitakse teda kriminaalkaristuse ähvardusel andma ütlusi toimepannud kuriteo kohta /5, lk. 181/.

Seoses eeltooduga tekib praktikas küsimus, kuidas toimida juhul, kui puudub alus kuriteo toimepannud isiku ülekuulamiseks süüdistatavana või kahtlustatavana.

Nii on L. Frank /6, lk. 236/ seisukohal, et need isikud tuleb üle kuulata tunnistajatena. Vene NFSV KrPK kommenteeritud väljaande autorid /7, § 76, komm. 2/ leiavad, et erandjuhtudel on lubatud sel juhul kasutada kahtlustatava ülekuulamise eeskirju, laiendamata kahtlustatava protsessuaalset seisundit sellele isikule. Viimasele seisukohale vaidlevad vastu N. Žogin ja F. Fatkullin /3, lk. 118/, kes soovivad omalt poolt valida nende isikute suhtes min-

gi tõkend (välja arvatud vahi alla võtmine) ja kuulata nad siis üle kahtlustatavana. Ka küsimuse selline lahendus tekitab vastuväiteid. ENSV KrPK § 66 lg. 1 annab uurijale õiguse tõkendi kohaldamiseks, kui selleks on vastav alus. Järelikult ei ole ta kohustatud seda tegema. Et antud juhul õigesti talitada, on vaja vastav isik üle kuulata, et saada ka temalt andmeid tõkendi kohaldamise vajaduse ja selle konkreetse liigi suhtes /8, lk. 94/.

Ei saa nõustuda ka seisukohaga, mille on avaldanud M. Strogovitš /9, lk. 396 - 397/. Ta on kategooriliselt selle vastu, et faktiline süüdistatav kuulatakse üle tunnistajana. Siiski on tema arvates sellise isiku ülekuulamine võimalik, kuid seda ainult tunnistajana ka sisuliselt. Seega võib ülekuulamine toimuda ainult temale teadaolevate asjaolude kohta, kusjuures ei tohi esitada tema süüd paljastavaid küsimusi. Sealjuures tuleb jätkata tõendite kogumist ja kui need kogumis on küllaldased süüdistuse esitamiseks või isikule enne süüdistuse esitamist tõkendi kohaldamiseks, siis tuleb seda teha. Nüüd aga pole enam takistusi tema ülekuulamiseks süüdistatavana või kahtlustatavana.

Sellist lahendust ei saa kriminaalprotsessi kasvatuslik-profülaktiliste eesmärkide seisukohalt õigeks pidada. Samuti on vaja sotsialistliku seaduslikkuse huvides nimetada kuriteo toimepanemises kahtlustatavat isikut tema õige nimega, garanteerides ühtlasi selle isiku seaduslike huvide kaitset. Seepärast on vaja laiendada kriminaalprotsessi seaduses kahtlustatava mõistet isiku suhtes, keda kahtlustatakse kuriteo toimepanemises, kuid puudub alus tema kinnipidamiseks või tema suhtes enne süüdistuse esitamist tõkendi kohaldamiseks.

Kahtlustatava ilmumine kriminaalprotsessi on reguleeritud seadusega tema kinnipidamise protokolli näol (ENSV KrPK § 102 lg. 5) või enne süüdistuse esitamist tõkendi kohaldamise määrusega (ENSV KrPK § 67 lg. 1), mistõttu tuleb ka eespool märgitud juhul kahtlustatava ülekuulamise vajadust põhjendada motiveeritud määrusega /10, lk. 38/.

Eeltoodust lähtudes tuleb kõnesoleva probleemi lahendamiseks täiendada kriminaalprotsessi seadust, formuleerides ENSV KrPK § 102 lg. 1 järgmiselt: "Kahtlustatav on isik, kes on kinni peetud kuriteo toimepanemises kahtlustatavana, kelle suhtes on enne süüdistuse esitamist kohaldatud tõkend või keda kahtlustatakse juurdlust teostava isiku

või uurija motiveeritud määruse alusel kuriteo toimepanemises ja kelle viivitamatu ülekuulamine kahtlustatavana on vajalik."

Ka nüüdisaja õiguskirjanduses toetatakse kahtlustatavaks tunnistamise aluste laiendamise vajadust, mis aitab kaasa kuriteo toimepanemises kahtlustatava isiku protsessuaalsete garantiide arengule, kelle suhtes protsessuaalset sundi rakendatakse /14, lk. 127/.

5. Õiguskirjanduse andmetel /11, lk. 52/ kohaldatakse praktikas peamiselt ainult kahte liiki tõkendit - allkiri elukohast mittelahkumise kohta ja vahi alla võtmine. Halb on see, et muid tõkendeid ei kohaldata ka alaealiste suhtes, sealhulgas ka väga harva kahtlustatava või süüdistatava alaealise valve alla andmist /12, lk. 28/.

Kõnesoleval tõkendiliigil on aga kõik eeldused olla üheks efektiivsemaks vahendiks kriminaalprotsessi kasvatuslike ja profülaktiliste ülesannete täitmisel. Kaasatakse ju selle õigel kohaldamisel kuriteo toimepannud alaealise positiivsele mõjutamisele isikuid, kes otseselt vastutavad tema kasvatamise eest. Samal ajal saab alaealine oma korralliku käitumisega aktiivselt näidata võimalust paranemiseks ja ümberkasvamiseks senises miljöös.

Seaduse tekstist lähtudes on raske leida kuriteo toimepannud alaealist, kelle suhtes valve alla andmist ei oleks võimalik kohaldada. Seetõttu on väga oluline piiritleda selle praktilise kohaldamise võimalusi.

Võrreldes ENSV KrPK § 76 lg. 1 sätteid teiste liiduvabariikide vastavate paragrahvidega, peame tõdema, et neis on kõnesoleva tõkendi kohaldamise võimalused selgesti piiritletud. Nii lubab Läti NSV KrPK § 69 lg. 2 paigutada alaealisi eeluurimise ajaks lasteasutustesse. Sama võimalus on ka Ukraina NSV (§ 149 lg. 1 p. 6), Kasahhi NSV (§ 63 lg. 2), Usbeki NSV (§ 72 lg. 2), Aserbaidžani NSV (§ 84 lg. 1 p. 5) ja Kirgiisi NSV (§ 75 lg. 4) kriminaalprotsessi koodeksite järgi.

Ülejäänud liiduvabariikide kriminaalprotsessi koodeksites on ette nähtud põhimõtteliselt sama tõkend. Selle kohaldamine on aga piiratud nende alaealistega, kes juba viibivad kinnistes lasteasutustes (vt. Vene NFSV KrPK § 394, Valgevene NSV KrPK § 84 lg. 3, Gruusia NSV KrPK § 93 jt.). Ainsaks erandiks on Leedu NSV KrPK, mille § 96 lg. 3 tekstist - alaealistele võib tõkendi kohaldada vanemate, eest-

kostjate või hooldajate, samuti lasteasutuste administratsiooni valve alla andmist - saab järeldada mõlema ülalmärgitud võimaluse olemasolu.

Lasteasutuste all mõeldakse eespool märgitud juhtudel järgmisi: 1) internaatkoolid; 2) lastekodud; 3) alaealiste vastuvõtu-jaotuspunktid; 4) eri-õppe- ja ravikasvatuasutused; 5) kasvatusliku töö kolooniad /13, § 394 komm. 1/.

See loetelu on ammendav. Kuigi võib vaielda, kas kasvatusliku töö koloonia on vaadeldav lasteasutusena, tuleb liigitust lasteasutuse tunnuse alusel pidada õigeaks. ENSV KrPK §-s 76 lg. 1 antud loetelus aga selline tunnus puudub. "Õppe- ja kasvatusasutus" ei välista teineteist ning ainsa "raviasutusena", mille administratsiooni valve alla võiks kuriteo toimepannud alaealist anda, on mõeldav ENSV KrK §-s 61 lg. 1 ettenähtud ravi-kasvatuasutus. Muudele raviasutustele aga sellist kohustust panna ei ole võimalik. Puudub ju neil vastav personal järelevalveks. Seetõttu tuleb ENSV KrPK §-s 76 lg. 1 märgitud õppe-, kasvatus- ja raviasutustena vaadelda eelkõige k a s v a t u s a s u t u s i ja ainult erandjuhtudel ka õppeasutust, kui sellel on internaatkoosseisulise kasvatajaga. Nähtavasti on analoogilisel seisukohal ka seaduseandja. Sama paragrahvi teise lõike tekstis "Allkirja võtmisel valve alla andmise kohta tehakse vanematele, eestkostjatele, hooldajatele või k a s v a t u s a s u t u s e (autori sõrendus - H.S.) administratsioonile teatavaks kuritegu, milles alaealist kahtlustatakse või süüdistatakse, ja neid hoiatatakse vastutuse suhtes, kui kahtlustatav või süüdistatav uurija juurde või kohtusse ilmumisest kõrvale hoidub", ei märgita enam õppe- ja raviasutuse administratsiooni esindajat. Kui see nii ei oleks, tuleb ENSV KrPK §-st 76 lg. 2, et õppe- ja raviasutuse administratsioonile ei tehtagi teatavaks kuritegu, milles valve alla antavat alaealist kahtlustatakse või süüdistatakse. Selline järeldus oleks aga ebaloogiline.

Mis aga puutub vanemate, eestkostjate, hooldajate või õppe-, kasvatus- või raviasutuse administratsiooni hoiatamise vastutuse suhtes, siis seaduse teksti järgi võib selle aluseks olla a i n u l t kahtlustatava või süüdistatava uurija juurde või kohtusse ilmumisest kõrvalehoidmine, mida kinnitab ka ENSV KrPK § 76 lg. 3 redaktsioon. Küll aga välistatakse viimasega võimalus rahatrahvi kohaldamiseks kõnesolevate asutuste administratsioonide suhtes.

Eeltoodust nähtub, et juhul, kui valve alla antud alaealine ei käitu korralikult (sellena tuleb vaadelda mitte ainult uue kuriteo toimepanemist tema poolt, vaid ka töö tuvastamise takistamist või sotsialistliku ühiselu reeglite mittejärgimist valve all oleku ajal), pole oma kirjalikku kohustust mittetäitnud isikut võimalik vastutusele võtta. Ilma selleta jääks aga kohustus tagada alaealise korralik käitumine deklaratsiooniks, mille täitmist reaalselt ei tagata. Sellekohase sanktsiooni puudumine vähendab oluliselt ENSV KrPK §-s 76 lg. 1 fikseeritud normi kasvatuslikku ja profülaktilist mõju, mistõttu on vaja muuta sama paragrahvi teise ja kolmanda lõike redaktsiooni, asendades sõnad "kui kahtlustatav või süüdistatav uurija juurde või kohtusse ilmumiseest kõrvale hoidub" sõnadega "juhul, kui nad rikuvad endale võetud kohustust".

K i r j a n d u s

1. Nõukogude Liidu Kommunistliku Partei programm. Uus redaktsioon. Vastu võetud NLKP XXVII kongressi poolt. - Tallinn: Eesti Raamat, 1986.
2. Eesti NSV kriminaalprotsessi koodeks: Kommenteeritud väljaanne / Koost. Raudsalu V. - Tln.: Eesti Raamat, 1965.
3. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. - М.: Юрид.лит., 1965.
4. Tartu Linna Rahvakohtu arhiiv 1985.
5. Кочетков Д.В. Интересная работа с подозреваемым. - М.: Юрид. лит., 1967.
6. Франк Л.В. Задержание и арест подозреваемого в советском уголовном процессе. - Душанбе: Б.и., 1963.
7. Научно-практический комментарий уголовно-процессуального кодекса РСФСР. - М.: Юрид. лит., 1970.
3. Крылов В. Рецензия на книгу Н.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. - Соц. законность, 1966, № 1.
9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. - М.: Наука, 1968, т. I.
10. Бекешко С.П., Матвиенко Е.А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. - Минск: Б.и., 1968.
11. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в советском уголовном судопроизводстве. - Б.м.: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.
12. Заарсоо Н. Metoodilisi materjale nõukendi kohaldamiseks Nõukogude kriminaalprotsessis. - Tartu: s.n., 1982.
13. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР.-М.: Юрид. лит., 1981.
14. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. - Воронеж.: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НОРМ УПК ЭССР, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Х.Б. Саарсоо

Р е з ю м е

В статье анализируются нормы, регулирующие предварительное следствие по делам несовершеннолетних, в том числе нормы, связанные с привлечением несовершеннолетнего в качестве обвиняемого.

Автор анализирует обязанности и права защитника. Из толкования текста ст. 37, ч. 2, УПК ЭССР следует, что защитник может присутствовать на допросе обвиняемого и при производстве других следственных действий только с разрешения следователя. Спрашивается, в чем же заключается обязательность участия защитника в предварительном следствии начиная с предъявления обвинения, если он может присутствовать на последующем допросе по усмотрению следователя. Непонятно также, как гарантируется право защитника находиться с разрешения следователя при производстве других следственных действий. Должен ли в таком случае следователь информировать защитника обо всех предстоящих следственных действиях с тем, чтобы тот смог ходатайствовать о разрешении следователя присутствовать при этих действиях. Следователь же, получив заявку защитника, стал бы решать, позволить ему присутствовать при следственных действиях или нет. По-видимому, такой порядок действий явно противоречит задачам уголовного процесса и приводит к необходимости формулировать нормы уголовного процесса так, чтобы исключалась возможность их произвольного толкования. Автор статьи полностью присоединяется ко мнению тех авторов, которые считают, что если защитник имеет разрешение участвовать в деле с момента предъявления обвинения, то следователь обязан предоставить ему возможность присутствовать при предъявлении обвинения и на допросе обвиняемого.

Что же касается присутствия защитника при производстве

других следственных действий, то для обеспечения права обвиняемого на защиту вполне достаточно, если защитник присутствует с разрешения следователя по ходатайству его самого или обвиняемого на происходящих следственных действиях.

Причиной отказа следователя удовлетворить ходатайство защитника может быть, например, нецелесообразность расширения круга лиц, принимающих участие в следственных действиях, а также невозможность точно установить заранее место и время следственных действий и т.д.

В связи со сказанным автор предлагает изменить ст. 37, ч. 2 УПК, ЭССР и сформулировать ее следующим образом: "Кроме того, защитник может присутствовать на допросе обвиняемого, а с разрешения следователя - и при производстве других следственных действий, выполняемых по ходатайствам обвиняемого или его защитника".

Далее автор вносит предложение о приглашении педагога для участия в предъявлении обвинения. Поскольку участие педагога в допросе, следующем после предъявления обвинения несовершеннолетнему, в предусмотренных законом случаях является обязательным, то в таких случаях кажется искусственным его недопущение к предъявлению обвинения, в связи с чем делается предложение *de lege ferenda*.

Вопрос обеспечения права обвиняемого на защиту становится особенно острым в делах несовершеннолетних в тех случаях, когда несовершеннолетнего допрашивают до привлечения его в качестве обвиняемого. В таком случае его могут допрашивать как подозреваемого, если в его отношении применена мера пресечения на основании ст. 67, ч. I, УПК ЭССР или же он задержан как подозреваемый на основании ст. 102 УПК ЭССР, в противном случае его следует допрашивать как свидетеля. Свидетеля же необходимо предупредить об ответственности, которую он несет за заведомо ложные показания и за отказ от дачи показаний. Поскольку в данном случае мы имеем дело с несовершеннолетним преступником, то здесь мы не можем говорить о свидетеле, ведь по существу он является обвиняемым, которого под угрозой уголовного наказания лишили возможности использовать свои показания для реализации своего права на защиту.

Проанализировав приведенные в литературе по этому вопросу различные точки зрения, автор приходит к выводу, что единственным решением, которое гарантирует законность допроса совершившего преступление несовершеннолетнего до привлечения его в качестве обвиняемого, является расширение понятия по-

дозреваемого. С этой целью вносится предложение *de lege ferenda* сформулировать ст. 102, ч. I, УПК ЭССР следующим образом: "Подозреваемым является лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления или которому до предъявления обвинения применена мера пресечения, а равно лицо, которое на основании мотивированного постановления следователя или лица, производящего дознание, подозревает в совершении преступления и которое необходимо немедленно допросить в качестве подозреваемого".

Наконец, в статье уделяется внимание мерам пресечения, предусмотренным в отношении несовершеннолетних - отдаче несовершеннолетних под присмотр родителей, опекунов, попечителей или под надзор администрации учебного или воспитательного заведения, предусмотренных ст. 76 УПК ЭССР. Эта мера пресечения на практике применялась очень редко. Однако возможности использования этой меры значительно больше.

В статье сопоставляются уголовно-процессуальные законодательства союзных республик с УПК ЭССР с точки зрения возможностей применения мер пресечения к несовершеннолетним.

В связи со сказанным автор вносит рекомендации, направленные на более эффективное применение этой меры пресечения, в том числе и предложения *de lege ferenda*.

KOHTUEKSPERTIISI ÕIGUSLIKU REGULEERIMISE
TÄIUSTAMISEST EESTI NSV KRIMINAAL- JA
TSIVIILKOHTUMENETLUSES

H. Lindmäe

Nüüdisteadusele on iseloomulik integratsiooniprotsesside märgatav süvenemine, millega kaasneb dialektilise vastandina teaduslike teadmiste intensiivne diferentseerumine. Üheks integratsiooniprotsessidele omaseks põhisuunaks teaduse ja tehnika revolutsiooni praegusel etapil on teaduslike ideede ja arusaamade ülevõtmine ühest teadmiste valdkonnast teise, arvestades nende valdkondade isepära. Ilmekalt avaldub see arengusuund üksteisele lähedaste teadusharude puhul. Sel moel rikastuvad teadusharud vastastikku /6, lk. 42/.

Niiuguseid integratsiooniprotsesse võib täheldada ka Eesti NSV kriminaal- ja tsiviilprotsessiõiguse vahel.^x

^x Integratsiooniprotsesside üheks avaldusvormiks tuleb meie arvates pidada ka käsitlust komplekssest õigusharust nõukogude õiguse süsteemis - kohtuõigusest, mis hõlmab kohtukorraldust, kriminaal- ja tsiviilprotsessiõigust (vt. näit. Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права / Под ред. Савицкого В.М. - М.: Наука, 1983, с.14).

Niiugune käsitlus ei ole kooskõlas K. Marxi tuntud teesiga materiaaloiguse ja protsessiõiguse vahekorra, milles rõhutatakse protsessivormide vastavust materiaaloigusele (vt. Karl Marx Werke. Artikel literarische Versuche bis März 1843. Verhandlungen des 6.rheinischen Landtags: Von einem Rheinländer. Dritter Artikel: Debatten über das Holzdiebstahls-Gesetz. - Karl Marx, Friedrich Engels. Gesamtausgabe (MEGA), erste Abteilung: Werke. Artikel. Entwürfe. Bd. 1. Berlin: Dietz Verlag, 1975, S. 234.

Materiaal- ja protsessiõiguse vahekorra vt. lähemalt: Академия наук СССР: Институт государства и права. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. - М.: Наука, 1979, с. 50.

Nii peaks ka komplekssele kohtuõigusele vastama kompleksne materiaaloigus. Arvestades nõukogude kriminaal- ja tsiviilõiguse olemuslikku erinevust, ei ole nende ühendamine ühtsesse kompleksse õigusharru mõeldav. See asjaolu ei sega aga Eesti NSV kriminaal- ja tsiviilprotsessi õigusnormide ja instituutide võrdlusuurimist, mis rajaneb tõsiasi- ja tegemist on sotsialistliku õigusemõistmise kahe eri vormiga. Need õigusemõistmise vormid tuginevad ühtsetele demokraatlikele alustele. Sellest tingituna võib täheldada ka kriminaal- ja tsiviilprotsessi printsiipides olulisi kokkulangevusi.

See avaldub Eesti NSV kriminaal- ja tsiviilprotsessiõiguse struktuurielementide - õigusnormide ja instituutide võrdlusuurimises, eesmärgiga täiustada vastastikku Eesti NSV kriminaalprotsessi koodeksi ja Eesti NSV tsiviilprotsessi koodeksi^x sätteid ning seeläbi suurendada nende efektiivsust. Vastastikune täiustamine tähendab ühtaegu ka oma laadilt lähedasi protsessisuheteid reguleerivate sätete sisu ja vormi ühtlustamist.

Reguleeritavate protsessisuhete lähedus on eriti silmatorkav kohtuekspertiisi puhul. Nii kriminaal- kui ka tsiviilprotsessiõiguses on kohtuekspertiisi eesmärgid kokkulangevad; tuvastada eriteadmiste rakendamisel ekspertiisi vormis kriminaal- ja tsiviilasjas tähtsaid asjaolusid ning aidata seeläbi kaasa kriminaalprotsessi ja tsiviilkohtumenetluse ülesannete täitmisele (ENSV KrPK § 2, ENSV TsPK § 2). Eesmärkide kokkulangemine on aluseks nende saavutamise vahendi - õigusliku reguleerimise ühtlustamisele.

Siinjuures tuleb arvestada asjaolu, et kohtuekspertiisi õigusliku reguleerimise isepära ilmneb selles, et juhul kui kohtuekspertiisi korraldatakse ekspertiisiasutuses (see on aga nüüdisajal reegel), reguleerivad seda nii ENSV KrPK või ENSV TsPK kui ka haldusõiguslike normatiivaktide sätted.^{xx} Sel juhul rakenduvad ENSV KrPK või ENSV TsPK sätted koostöös haldusõiguslike normatiivaktide sätetega, mis reguleerivad ekspertiisi korraldamist ekspertiisiasutuses. Järelikult tuleb võrdlusuurimisel arvestada ka neid koostöimeseoseid.

ENSV KrPK ja ENSV TsPK sätete võrdlusuurimisel ilmneb kõrvuti sisuliste ja vormiliste kokkulangemistega kohtuekspertiisi reguleerimisel hulganisti olulisi, seejuures täiesti põhjendamatuid lahkuminekuid. Need tuleb õigusliku reguleerimise täiustamist taotledes kõrvaldada.

Nii sätestatakse ENSV TsPK §-s 56 lg. 3, et ekspertiis tehakse kohtus või väljaspool kohtu, kui see on vajalik uurimise iseloomu tõttu või kui uurimise eeseme (minu sõnenduses - H.L.) kohtusse toomine on või

^x Edaspidi ENSV KrPK ja ENSV TsPK.

^{xx} Niisugusteks haldusõiguslikeks normatiivaktideks on näiteks Eesti NSV Kohtuekspertiisi Teadusliku Uurimise Laboratooriumi põhimäärus ja Eesti NSV Kohtuekspertiisi Teadusliku Uurimise Laboratooriumi ekspertiiside tegemise juhend (kinnitatud 28. juulil 1972 ja 17. novembril 1972).

matu või raskendatud. Kuna uurimine seostub ekspertiisiga, tuleb uurimise eseme all mõista siin sisuliselt ekspertiisi eset.

Täiesti erinev sisu antakse ekspertiisi esemele ENSV KrPK-s. Nii võtab ekspert ENSV KrPK § 249 lg. 1 järgi kohtulikul uurimisel osa ekspertiisi esemesse puutuvate tõendite uurimises (minu sõrendus - H.L.). Neid objekte aga, mida ekspert uurib, nimetatakse ENSV KrPK-s uurimismaterjaliks (ENSV KrPK § 60 lg. 3 p. 2).

Niisugune kohtuekspertiisi objekti ja eseme mõistete erinev sisustamine (tegemist on kohtuekspertiisi teooria kesksete mõistetega) Eesti NSV kriminaal- ja tsiviilprotsessiõiguses ei ole millegagi põhjendatud.

Ekspertiis on tunnetustegevus. Seetõttu on ka selles valdkonnas materialistliku dialektika järgi tunnetusobjektiks objektiivses reaalsuses esinev nähtus (asi, sündmus, toiming) /5, lk. 4/. Iga materiaalne objekt on informatsiooni allikas /4, lk. 192/, mida vajatakse ekspertiisi tegemisel. Seega kätkeb just ekspertiisiobjekt (uurimismaterjal) teavet, millele ekspert rajab ekspertiisi tegemisel oma järelduse. Oma laadilt on see teave niisugune, et seda on võimalik koguda ekspertiisi tegemisel just uuringutega /1, lk. 69/.

Ekspertiisi eseme mõiste lahtimõtestamisel tuleb materialistlikust dialektikast lähtudes võtta arvesse asjaolu, et see mõiste hõlmab: 1) uurimisobjekti teatud osa (selle külgi, omadusi ja suhteid); 2) uurimise eesmärki (ülesandeid); 3) uurimise tingimusi ja asjaolusid (eelkõige objekti uurimise meetodikat) /5, lk. 4-5/.

Seega on konkreetse kohtuekspertiisi ese selle objekti küljed, omadused ja suhted, mida uuritakse töendamisel tähtsate asjaolude kohta esitatud ja eksperdi omal initsiatiivil sõnastatud küsimuste lahendamiseks. Seejuures rakendatakse sellele ekspertiisiliigile omaseid vahendeid (meetodikat jne.).

Milliseid uurimisobjekti külgi, omadusi ja suhteid ekspertiisi tegemisel uuritakse, see sõltub ekspertiisi eesmärgist. Ekspertiisi eesmärk ilmneb aga lahendatavatest küsimustest, täpsemini: küsimustes sisalduvatest ekspertii-

siülesannetest.^x Kuna ekspertiisiülesanded tulenevad töendamise vajadustest, on ekspertiisi ese lahutamatult seotud töendamise esemega. Samas tuleb arvata, et ekspertiisi eesmärk määrab ära selle, milliseid vahendeid (metoodikat jne.) ekspertiisi eesmärgi saavutamiseks on vaja rakendada, arvestades ekspertiisi tegemise tingimusi ja asjaolusid.

Pidades silmas ekspertiisi (uurimise) eseme niisugust sisu, tuleks ENSV TsPK §-s 56 lg. 3 sõnad "uurimise ese" asendada kas ENSV KrPK § 60 lg. 3 p. 2 järgi sõnadega "uurimismaterjal" või siis sõnadega "uuritav ese".

Ka eksperdi taandamise alused on ENSV KrPK-s ja ENSV TsPK-s vaid osaliselt kokkulangevad.^{xx}

Nii sätestatakse ENSV KrPK §-s 20 lg. 1, et ekspert ei tohi kriminaalasja menetlusest osa võtta ja ta taandatakse, kui ta isiklikult on otseselt või kaudselt sellest kriminaalasjast huvitatud. Sama korratakse ENSV TsPK §-s 22 lg. 1 p. 3: ekspert taandatakse, kui ta on isiklikult, otseselt või kaudselt huvitatud asja lõpplahendusest.^{xxx}

ENSV KrPK § 26 lg. 1 p. 2 järgi on protsessiosalistel õigus kohtueelsel uurimisel ja kohtulikult arutamisel avaldada taandust ekspertide vastu, kes on või olid kriminaalasjas protsessiosalised või on mõne protsessiosalisega su-

^x Küsimus võib hõlmata sõltuvalt uurimisobjektide ja kontrollitavate isikute arvust uhe või mitu ekspertiisiülesannet. Näiteks sisaldab küsimus "Kas vaidlustatud allkirja A. nimelt on kirjutatud A. ise, B. või C.?" kolm ekspertiisiülesannet.

^{xx} ENSV KrPK-s ega ENSV TsPK-s ei loeta eksperdi ebakompetentsust tema taandamise aluseks, nagu see on ette nähtud näiteks VNFSV KrPK §-s 67 lg. 1 p. 4 ja VNFSV TsPK §-s 18. Et ekspertiisi teeb selleks vajalike eriteadmistega isik, peab kindlustama ekspertiisiasutus (ENSV KrPK § 158 lg. 1, ENSV TsPK § 56 lg. 1, Eesti NSV Kohtuekspertiisi Teadusliku Uurimise Laboratooriumi põhimääruse p. 7). Kui aga ekspertiis tehakse väljaspool ekspertiisiasutust, tagab kompetentse eksperdi valiku juurdlust teostav isik, uurija, prokurör, kohtunik või kohus ise (ENSV KrPK § 158 lg. 2, ENSV TsPK § 56 lg. 1). Ekspertiisiks vajalike eriteadmiste puudumisel on ekspert kohustatud arvamuse andmisest keelduma (ENSV KrPK § 60 lg. 4, ENSV TsPK § 57 lg. 3). Kui eksperdi asjatundlikkus vaidlustatakse pärast ekspertiisi tegemist, on see aluseks kordusekspertiisi määramisel.

^{xxx} ENSV TsPK §-s 22 lg. 1 p. 2 ja 3 on ette nähtud kohtuniku või rahvakaasistuja taandamise alused. Vastavalt ENSV TsPK §-le 24 lg. 1 laienevad need ka eksperdile.

guluses, s.o. vanemad, lapsed, lapsendajad, lapsendatud, vennad ja õed, vanavanemad, lapselapsed, samuti abikaasa.^x

Sellele sättele vastab ENSV TsPK § 22 lg. 1 p. 2 sisu: eksperdid taandatakse, kui nad on poolte või teiste asjast osavõtivate isikute sugulased.^{xx}

Vastavalt ENSV KrPK §-le 26 lg. 1 p. 4 ei või eksperdiks määrata isikuid, kelle puhul ilmneb asjaolusid, mis annavad alust kahelda nende erapooletuses. Kuna ENSV KrPK §-s 26 lg. 1 p. 1, 2 ja 3 on sätestatud just need asjaolud, mis annavad alust kahelda eksperdi erapooletuses, tuleks ENSV KrPK § 26 lg. 4 sõnastuses kõnelda muudest asjaoludest, nagu see on sätestatud ENSV TsPK §-s 22 lg. 1 p. 3.

Ka ENSV KrPK § 232 lg. 5 ja ENSV TsPK § 24 lg. 3 on samasisulised: taandamise aluseks ei ole eksperdi eelnev osavõtt kriminaal- või tsiviilasjast eksperdina.^{xxx}

Kõrvuti eksperdi taandamise nende alustega, mis on kokkulangevad, sätestatakse ENSV KrPK §-s 20 lg. 3, et kriminaalasja menetlusest ei tohi eksperdina osa võtta isik, kes on sugulusvahekorras kriminaalasja kohtueelset uurimist või kohtulikku menetlust teostavate ametiisikutega. ENSV KrPK § 26 lg. 1 p. 1 ja 3 järgi ei või ekspertideks komisjoniekspertiisi puhul määrata isikuid, kes on omavahel suguluses, samuti isikuid, kes võtsid kriminaalasjast osa prokurörina, uurijana, juurdlust teostava isikuna, spetsialistina, tõlgina, tunnistajana või manukana.

On ilmne, et ka tsiviilprotsessis ei tohi lubada eksperdiks määrata isikut, kes on sugulusvahekorras kohtuniku või rahvakaasistujaga, on olnud samas asjas tõlk või tunnistaja, samuti isikuid, kes ekspertide komisjoni liikmetena on omavahel suguluses.

^x ENSV KrPK §-s 26 lg. 1 esitatakse kohtu koosseisu kuuluvate kohtunike taandamise alused, kuid ENSV KrPK §-de 119 lg. 1 ja 232 lg. 5 järgi on nendel alustel õigus kriminaalasja kohtueelisel uurimisel ja kohtulikul arutamisel avaldada taandust ka eksperdi vastu.

^{xx} Siinkohal tuleks samuti täpsustada, keda sugulaste hulka arvata.

^{xxx} Sellele vastav ENSV KrPK § 119 lg. 1 sõnastus, mille järgi kohtueelisel uurimisel eksperdi eelnev osavõtt kriminaalasjast ei ole taandamise aluseks, on ebaselge, kuna jäetakse täpsustamata, kellena osavõttu silmas peetakse.

Erinevalt ENSV KrPK-st on ENSV TsPK § 24 lg. 2 p. 1 ja 2 sätestatud, et eksperdiks ei või määrata isikut, kes on või oli teenistuslikus või muus sõltuvuses pooltest või teistest asjast osavõtivatest isikutest ning kui ta viis läbi revideerimist, mille materjalid olid tsiviilasja arutamise aluseks. Ei ole kahtlust, et ka teenistuslik või muu sõltuvus mõnest protsessiosalisest ning revisjoni läbiviimine, mille tulemusi arvestades algatati kriminaalasi, peavad olema eksperdi taandamise aluseks kriminaalprotsessis. Niisugune eksperdi taandamise aluste ühtlustamine kindlustab, et need reguleeritakse ENSV KrPK-s ja ENSV TsPK-s vajaliku üksikasjalikkusega.

Ebajärjekindlust ja vastuolulisust võib täheldada veel eksperdi vastutuse reguleerimisel ENSV KrPK-s ja ENSV TsPK-s.

Vastavalt ENSV KrPK §-le 60 lg. 2 vastutab ekspert oma kohustuste täitmisest seadusliku aluseta keeldumise või teadvalt vale arvamuse andmise eest ENSV KrK §-de 173 ja 175 järgi.

ENSV TsPK §-s 57 lg. 2 on aga eksperdi vastutus reguleeritud järgmiselt: kui ekspert kohtu kutse peale ei ilmu või keeldub oma kohustuste täitmisest või annab teadvalt vale arvamuse, rakendatakse tema suhtes ENSV KrK §-des 173 ja 175 ettenähtud abinõusid.^x

Ilmneb, et ENSV KrPK § 60 lg. 2 ja ENSV TsPK § 57 lg. 2 sisu ei ole kokkulangev. Lahkumine seisneb selles, et ENSV TsPK §-s 57 lg. 2 ei peeta kutse peale ilmumist eksperdi kohustuseks. Niisugune käsitlus ei riimu ENSV TsPK §-s 57 lg. 1 esitatud eksperdi kohustustega. Selle järgi on eksperdiks määratud isik^{xx} kohustatud kohtu kutsel ilmuma ja andma objektiivse arvamuse temale esitatud küsimuste kohta.

Samasisuline on ka ENSV KrPK § 60 lg. 1 sõnastus: ekspert on kohustatud juurdlust teostava isiku, uurija, prokuröri või kohtu kutsel ilmuma ja andma objektiivse arvamuse temale esitatud küsimuste kohta.

^x Sõnastuse ühtlustamist ENSV KrPK-s ja ENSV TsPK-s taotledes oleks otstarbekas asendada sõnad "... rakendatakse tema suhtes ENSV KrK §-des 173 ja 175 ettenähtud abinõusid" ENSV KrPK § 60 lg. 2 eeskujul sõnadega "... ekspert vastutab ENSV KrK §-de 173 ja 175 järgi", sest ENSV KrK-s ei kasutata moistet "abinõude rakendamine".

^{xx} Eksperdiks määratud isik on ekspert. Seepärast oleks soovitatav ENSV KrPK ja ENSV TsPK sõnastust ühtlustades kasutada nii ENSV KrPK § 60 lg. 1 kui ka ENSV TsPK § 57 lg. 1 sõnastuses terminit "ekspert".

Järelikult loetakse nii ENSV KrPK kui ka ENSV TsPK nendes sätetes eksperdi kohustusteks: 1) kutse peale ilmumist ja 2) talle esitatud küsimuste kohta objektiivse arvamuse andmist.

Beltoodust tulenevalt on vaja ENSV TsPK § 57 lg. 1 ja 2 sisu kooskõlastada. Seeläbi ühtlustub ka ENSV TsPK § 57 lg. 2 ja ENSV KrPK § 60 lg. 2 sõnastus.

Ekspert vastutab nii kriminaal- kui ka tsiviilprotsessis oma kohustuste täitmisest keeldumise ja teadvalt vale arvamuse korral ENSV KrK §-de 173 ja 175 järgi üksnes siis, kui talle on teatavaks tehtud vastutus sellise keeldumise ja teadvalt vale arvamuse andmise eest. Vastutusest teadaoleku tagamine on aga sätestatud ENSV KrPK-s ja ENSV TsPK-s erinevalt.

Nii annab ekspertiisiasutuse ekspert kohtueelsel uurimisel ENSV KrPK § 158 lg. 1 järgi allkirja, et ta on teadlik vastutusest arvamuse andmisest aluseta keeldumise ja teadvalt vale arvamuse andmise eest.

Kui ekspertiis tehakse kohtueelsel uurimisel väljaspool ekspertiisiasutust, hoiatatakse eksperti vastutuse suhtes arvamuse andmisest aluseta keeldumise ja teadvalt vale arvamuse andmise eest (ENSV KrPK § 158 lg. 4). Kriminaalasja arutamisel hoiatab aga eesistuja eksperti ENSV KrPK § 236 lg. 1 järgi arvamuse andmisest keeldumise ja teadvalt vale arvamuse andmise eest.

Vastavalt ENSV TsPK §-le 164 hoiatab eesistuja kohtuistungil eksperti kriminaalvastutuse suhtes ENSV KrK §-de 173 ja 175 järgi oma kohustuste täitmisest keeldumise^x ja teadvalt vale arvamuse andmise eest.

Torkab silma, et ENSV KrPK järgi sõltub kriminaalvastutusest teadaoleku tagamise moodus sellest, kas ekspertiis tehakse ekspertiisiasutuses või väljaspool ekspertiisiasutust ning kas ekspertiis määrati kohtueelsel uurimisel või kohtus. Seevastu ENSV TsPK järgi ei erine eksperdivastutusest teadaoleku tagamise moodus sellest, kes teeb ekspertiisi (kas ekspertiisiasutuse ekspert või isik, kes ekspertiisiasutuses ei tööta). Kuidas tagada eksperdivastutusest teadaolek siis, kui ekspertiisi määrab kohtunik ENSV TsPK

^x Ekspert vastutab üksnes oma kohustuste täitmisest seadusliku aluseta keeldumise eest. Seetõttu on seda asjaolu vaja ENSV KrPK § 60 lg. 2 eeskujul rõhutada nii ENSV KrPK §-s 236 lg. 1 ja ENSV TsPK §-s 164 kui ka ENSV KrK §-s 173.

§ 55 lg. 1 järgi tõendite tagamise korras ja tsiviilasja kohtulikuks arutamiseks ettevalmistamise ajal, on jäänud ENSV TsPK-s reguleerimata.

ENSV KrPK §-des 158 lg. 1, 158 lg. 4, ja 236 ei nimetata kutse peale ilmumist kui ühte ekspertiiskohustustest. Samas on tarvis mõista, et kui väljaspool ekspertiisiasutust ekspertiisi tegemisel on ekspert ilmunud uurija juurde, ekspertiisiasutuses on ekspertile antud ekspertiisikorraldus või ekspert on ilmunud kohtusse, tuleb ikkagi seostada kriminaalvastutus ekspertiisi mitteilmumisega. Siinjuures peetakse silmas kutse peale ilmumise kohustust tulevikus. Ekspert on protsessisuhete subjekt alates tema ekspertiisimääramisest (talle ekspertiisiasutuses ekspertiisikorralduse andmisest) kuni kriminaal- või tsiviilprotsessi lõppemiseni. Seetõttu on ekspert kohustatud kohtueelsel uurimisel ilmuma kutse peale ka pärast ekspertiisi tegemist, kui on vaja teda üle kuulata. Vajaduse korral kutsutakse kohtueelsel uurimisel ekspertiisi teinud ekspert kohtusse. Ka tuleb ekspertil ilmuda kohtusse siis, kui kriminaal- või tsiviilasja arutamine on edasi lükatud (ENSV KrPK § 233, ENSV TsPK § 168 lg. 1).

Seega peaks ekspertiisi hoiatamine kriminaalvastutuse suhtes või kriminaalvastutusest teadaoleku kinnitus seonduma ENSV KrPK-s ENSV TsPK § 164 eeskujul oma kohustuste täitmisest alusega keeldumise ja teadvalt vale arvamuse andmisega. Selline sõnastus oleks täpses kooskõlas ENSV KrK §-des 173 ja 175 ettenähtud kuriteo koosseisutunnustega.

Ühtaegu oleks vaja nii kriminaal- kui ka tsiviilprotsessis kehtestada ENSV KrPK §-st 158 lg. 1 lähtudes ühesugune kord: kui ekspertiisi teeb ekspertiisiasutuse ekspert, annab ta allkirja, et ta on teadlik kriminaalvastutusest oma kohustuste täitmisest seadusliku alusega keeldumise ja teadvalt vale arvamuse andmise eest. Tuleb eeldada, et iga ekspertiisiasutuse ekspert peab teadma oma õigusi ja kohustusi ning olema teadlik ENSV KrK §-des 173 ja 175 ettenähtud kriminaalvastutusest.

ENSV TsPK §-st 55 lg. 1 nähtub, et ekspertiis võidakse määrata teaduse, kunsti, tehnika või käsitöönduse alal eriteadmisi nõudvate ja asjas tähtsate asjaolude väljaselgitamiseks. ENSV KrPK §-s 58 lg. 1 aga ei loetleta valdkondi, kust ekspertiisi tegemisel rakendatavad eriteadmisi

sed võivad pärineda. Nenditakse üksnes seda, et ekspertiisi määratakse juhul, kui kriminaalasjas tähtsust omavate asjaolude tuvastamiseks on vaja eriteadmisi.

Ekspertiisi tegemine eeldab nüüdisajal vaid teaduslike teadmiste rakendamist, sõltumata sellest, kas lahendatakse teaduse, kunsti, tehnika või käsitööstuse valdkonda kuuluvaid küsimusi. Eriteadmised saadakse erihariduse omandamisel ning selle pinnalt toimunud enesetäiendamisel ja spetsialiseerumisel. Nad peavad vastama nüüdisteaduse ja -tehnika tasemele. See on eriteadmiste efektiivse rakendamise eeldus nii kriminaal- kui ka tsiviilprotsessis. Seetõttu ei või eksperdiks olla isik, kes rakendab käsitöös või kunstiloomingus vaid argiteadmisi, -oskusi ja -vilumusi ning kes seetõttu ei suuda teha oma erialal üldistusi ega selgitada töendamisel tähtsa asjaolu olemust.

Sellest tulenevalt puudub aja nõudeid arvestades vajadus nimetada ENSV TsPK §-s 55 lg. 1 valdkondi, kust võivad pärineda ekspertiisi tegemisel rakendatavad eriteadmised.

ENSV TsPK §-s 265 lg. 1 sätestatakse: Kui on küllaldaselt andmeid kodaniku vaimuhaiguse või nõrgamõistuslikkuse kohta, määrab kohtunik asja kohtulikuks arutamiseks ettevalmistamise korras kodaniku psüühilise seisundi kindlakstegemiseks kohtupsühhiaatrilise ekspertiisi.

Seevastu nähtub ENSV KrPK §-st 58 lg. 2 p. 2, et ekspertiis on kohustuslik süüdistatava, kahtlustatava, kannatanu või tunnistaja psüühilise seisundi kindlaksteigmiseks, kui juurdlust teostaval isikul, uurijal, prokuröriil või kohtul t e k i b k a h t l u s n i m e t a t u d i s i k u t e p s ü ü h i l i s e s e i s u n d i s u h t e s (minu sõrendus - H.L.).

Ilmneb, et ENSV TsPK § 265 lg. 1 sõnastus ei ole täpne. Kui on küllaldaselt andmeid isiku vaimuhaiguse või nõrgamõistuslikkuse kohta, siis on ju isiku psüühiline seisund tuvastatud. Seejuures saavad need andmed olla küllaldased vaid sel puhul, kui tsiviilasjas on tehtud kohtupsühhiaatriaekspertiis. Seejuures nimetatakse ENSV TsPK § 265 lg. 1 sõnastuses üksnes vaimuhaigust ja nõrgamõistuslikkust, jättes kõrvale vaimutegevuse ajutise rikke ja muu haigusliku seisundi /3, lk. 21/, millel on samuti tähtsust tsiviilkohtumenetluses.

Seepärast tuleks ka ENSV TsPK §-s 265 lg. 1 rõhutada, et kohtupsühhaatriaekspertiis on vajalik sel juhul, kui kohtunikul tekib kahtlus isiku normaalse psüühilise seisundi suhtes.

ENSV KrPK § 160 lg. 1 järgi koostab ekspert ekspertiisi tegemise kohta ekspertiisiakti, milles muude andmete kõrval esitatakse ekspertiisi tegemisel teostatud uuringud. Samas lisatakse ENSV KrPK §-s 160 lg. 2, et ekspertiisiakti järelduslikus osas annab ekspert motiveeritud arvamuse esitatud küsimuste kohta.

Seevastu sätestatakse ENSV TsPK §-s 58 lg. 1, et ekspert annab oma arvamuse kirjalikult^x, kusjuures arvamuse peab sisaldama toimunud uurimiste üksikasjalise kirjelduse, nende tulemusena tehtud järeldused ja põhjendatud vastused kohtu poolt esitatud küsimustele.^{xx} Milline on niisuguse protsessidokumendi nimetus, jääb ENSV TsPK §-s 58 lg. 1 ebaselgeks. Võib arvata, et see peaks olema "ekspertiarvamus".

Ilmneb, et ENSV KrPK-s peetakse eksperdiarvamust ekspertiisiakti üheks osaks (see esitatakse akti järelduslikus osas), kusjuures eksperdi kirjaliku arvamuse sisu langeb ENSV TsPK § 58 lg. 1 sõnastuse järgi kokku ENSV KrPK §-s 160 lg. 1 esitatud ekspertiisiakti sisuga.^{xxx}

Ekspertiisi erinev protsessuaalne vormistamine ENSV KrPK-s ja ENSV TsPK-s ei tulene eksperdiarvamuse kui kohtuliku tõendi mõiste erinevast sisustamisest.

Nii sätestatakse ENSV KrPK §-s 48 lg. 1: Tõendid on kriminaalasjas igasugused faktilised andmed, mille alusel juurdlusorgan, uurija ja kohus teevad seaduses määratud korras kindlaks ühiskonnaohtliku teo olemasolu või puudumise, selle teo toimepannud isiku süü ja muud kriminaalasja õigeaks otsustamiseks tähtsust omavad asjaolud.

^x See üldist laadi nõue ei riimu ENSV TsPK §-ga 96 lg. 2 p. 10, milles sätestatakse, et kohtuistungil protokollis tuleb kohustuslikult ära märkida eksperdi suulised arvamused.

^{xx} ENSV TsPK ei ole siin järjekindel. Nii kinnitatakse ENSV TsPK §-s 57 lg. 1, et eksperdiks määratud isik on kohustatud andma objektiivse arvamuse temale esitatud küsimuste kohta. Siit järeldub, et selle sätte järgi on arvamuse vastus eksperdile esitatud küsimusele.

^{xxx} Ekspertiisi vormistatakse ekspertiisiaktiga üksnes Eesti NSV-s, Leedu NSV-s ja Kasahhi NSV-s. Teiste liidubariikide KrPK-tes nimetatakse seda protsessidokumendi eksperdiarvamuseks.

ENSV TsPK §-s 29 lg. 1 korratakse kohtuliku tõendi sisu kohta sama: Tõenditeks tsiviilasjas on igasugused faktilised andmed, millede alusel kohus teeb seaduses määratud korras kindlaks poolte haginõudeid ja vastuväiteid põhjendavate asjaolude olemasolu või puudumise, samuti muud asja õige lahendamise suhtes tähtsust omavad asjaolud.

Seega on kohtuliku tõendi sisu käsitlus nii ENSV KrPK-s kui ka ENSV TsPK-s täielikult kokkulangev.

ENSV KrPK §-s 48 lg. 2 ja ENSV TsPK §-s 29 lg. 2 on sätestatud kohtuliku tõendi vorm^x. Mõlemal juhul nenditakse, et kohtuliku tõendi sisuks olevad andmed tehakse kindlaks muude vahendite kõrval ka eksperdiarvamusega.

Kui aga eksperdiarvamuse kui kohtuliku tõendi mõiste on Eesti NSV kriminaal- ja tsiviilprotsessiõiguses kokkulangev, siis ei ole millegagi põhjendatud ekspertiisi erinev protsessuaalne vormistamine ENSV KrPK-s ja ENSV TsPK-s.

Siinjuures ei tohi unustada asjaolu, et juhul, kui ekspertiisi tehakse ekspertiisiasutuses, tuleb juhinduda ENSV KrPK või ENSV TsPK sätetest, samuti ametkondlikest normatiivaktidest, millega reguleeritakse ekspertiiside tegemist selles asutuses. Vastavalt Eesti NSV Kohtuekspertiisi Teadusliku Uurimise Laboratooriumi ekspertiiside tegemise juhendi p-le 14 koostatakse ekspertiiside tegemisel alati, sõltumata sellest, kas ekspertiis määrati kriminaal- või tsiviilasjas, ekspertiisiakt.

Samuti on sätestatud NSV Liidu Tervishoiuministeeriumi juhendis "Kohtupsühhiaatriaekspertiisi tegemisest NSV Liidus" (kinnitatud 27. oktoobril 1970) p. 6 ja 8, et kohtupsühhiaatriaekspertiisi arvamuse esitatakse nii kriminaal- kui ka tsiviilasjas ekspertiisiaktis.

Siit sugeneb oluline vastuolu ENSV TsPK § 58 lg. 1 ja nimetatud haldusõiguslike normatiivaktide sätete vahel. Sellest tulenevalt ENSV TsPK need sätted, mis annavad eksperdi kirjalikule arvamusele teistsuguse sisu, ei toimi õigussüsteemis esineva vastuolu tõttu. Sel puhul on tarvis muuta kehtivat seadusandlust, kõrvaldamaks tekkinud vastuolu /7, lk. 113/.

Pidades silmas ENSV KrPK ja haldusõiguslike normatiivaktide neid sätteid, mis reguleerivad ekspertiisi käigu ja tu

^x Kohtuliku tõendi sisu ja vormi kohta vt. lähemalt: Eesti NSV kriminaalprotsessi koodeks; Kommenteeritud väljaanne / Koost. Raudsalu V. - Tln.: Eesti Raamat, 1965, § 48 komm. 5 ja 7.

lemuste vormistamist, samuti Eesti NSV ekspertiisitradiitsioone, tuleks ka ENSV TsPK §-s 58 lg. 1 ette näha, et ekspertiisi kohta koostatakse ekspertiisiakt.

ENSV KrPK § 160 lg. 2 järgi annab ekspert motiveeritud arvamuse esitatud küsimuste kohta. Seejuures eeldatakse, et ekspertiisi tegemisel antakse alati eksperdiarvamus. Nii see ei ole. Eksperdiarvamus on eriteadmiste rakendamisel uurin-gute pinnalt tehtud järeldus, kuid eksperdi iga järeldust ei ole õige pidada eksperdiarvamuseks. Määrav on, et eksperdiarvamus peab uue kohtuliku tõendina sisaldama tõendusteavet. Kui aga ekspert teeb järelduse uuringute tulemuste hindami-sel, et arvamuse andmine esitatud küsimuse kohta ei ole või-malik või siis järelduse tegemine on võimalik üksnes tõenäo-lises vormis, keeldub ta sisuliselt sel puhul arvamuse andmi-sest.

ENSV TsPK §-st 58 lg. 1 niisugust vastuolu ei ilmne; selles kõneldakse esitatud küsimustele antud vastustest.

Kuna eksperdi vastused esitatud küsimustele on kahesugu-sed (ekspert annab talle esitatud küsimuse kohta kas motivee-ritud arvamuse või keeldub põhjendatult arvamuse andmisest), tuleks need nimetada nii ENSV KrPK §-s 160 lg. 2 kui ka ENSV TsPK §-s 58 lg. 1.

ENSV KrPK § 60 lg. 4 järgi võib ekspert keelduda arvamuse andmisest, kui talle esitatud materjalid ei ole arvamuse andmiseks küllaldased või kui esitatud küsimus on väljaspool eksperdi eriteadmiste piire.

Samasisuline on ENSV TsPK § 57 lg. 3: Ekspert võib arvamuse andmisest keelduda, kui temale esitatud materjalid on puudulikud või kui tal ei ole temale pandud kohustuste täit-miseks vajalikke teadmisi.

Vaatamata sellele, et arvamuse andmisest keeldumise alu-sed on täielikult kokkulangevad, lahendatakse ENSV KrPK-s ja ENSV TsPK-s niisuguse keeldumise protsessuaalne vormista-mine erinevalt.

Nii sätestatakse ENSV KrPK §-s 160 lg. 3, et neil juh-tudel koostab ekspert motiveeritud akti ekspertiisi tegemise võimatuse kohta.

Seevastu ilmneb ENSV TsPK §-st 57 lg. 3, et sel puhul teatab ekspert kohtule kirjalikult, et arvamuse andmine on võimatu.

Mõlemad lahendused on kohtuekspertiisi praktikat arvestades ENSV KrPK-s ja ENSV TsPK-s poolikud.

Eksperdi arvamuse andmisest keeldumise protsessuaalne vormistamine sõltub kõigepealt sellest, kas keeldutakse arvamuse andmisest talle esitatud kõigi või siis ainult mõne küsimuse osas.

Kui eksperdile esitatud materjal on puudulik arvamuse andmiseks ainult mõne küsimuse kohta või ainult mõni küsimus on kompetentsiväline, teeb ekspert sellesisulise märkuse ekspertiisiakti sissejuhatusse.

Kui ekspertiisimääruses esitatud kõik küsimused on väljaspool eksperdi eriteadmiste piire, ja ekspert ei tööta ekspertiisiasutuses, või eksperdil pole võimalik ekspertiisimaterjalide puudulikkuse tõttu vastata ühelegi küsimusele, on tal õigus ENSV KrPK § 60 lg. 4 ja ENSV TsPK § 57 lg. 3 järgi keelduda arvamuse andmisest. Et tegemist on arvamuse andmisest keeldumisega, see asjaolu peaks nähtuma ka protsessidokumendi nimetusest. Sellepärast tuleks siin koostada arvamuse andmisest keeldumise akt.

Kui aga ekspertiisiasutuses ilmneb, et kõik küsimused on ekspertiisiasutuse ekspertidele kompetentsivälised, ei anna ekspertiisiasutuse juhataja või selle all-lüli juht eksperdile ekspertiisikorraldust. Ta teatab ise ekspertiisi määranud juurdlust teostavale isikule, uurijale, prokurörile, kohtunikule või kohtule kirjalikult, et ekspertiisi tegemine ei ole võimalik. Kuna arvamuse andmisest keeldumine on üksnes eksperdi õigus, siis ekspertiisiasutuse juhataja või selle all-lüli juht sellesisulist protsessidokumenti ei koosta.

Hoopis teistsugune on aga olukord siis, kui materjalide puudulikkus, mis tingib mõne või kõigi esitatud küsimuste kohta arvamuse andmisest keeldumise, ilmneb alles ekspertiisi tegemisel. Näiteks selgitab ekspert kriminaal- või tsiviillasjas määratud kirjaekspertiisi puhul kirjatunnuste uurimisel välja nii kokkulangevad kui ka lahkuminevad kirjatunnused, kuid hinnates kokkulangevusi ja lahkuminekuid nende kogumis, ta veendub, et tunnuste kogumid ei võimalda teha järeldusi selle kohta, kes on või võib olla kirjutanud vaidlustatud käsitsikirjateksti või allkirja. Ühtaegu ei ole eksperdil võimalik tunnuste ühele või teisele kogumile toetudes välistada kategoorilises või tõenäolises vormis kontrollitavat isikut.

Sel puhul ei ole õige väita, et ekspertiisi tegemine oli võimatu. Ekspert on siin ekspertiisi ette valmistanud ning juba asunud ekspertiisi tegema. Alles ekspertiisi tegemisel uuringute tulemuste hindamisel ja järelduste tegemisel pidi ta nentima, et arvamuse andmine ei ole võimalik ja tal tuleb keelduda arvamuse andmisest. Neis tingimustes oleks meie arvates õige ekspertiisi käik ja tulemused - arvamuse andmise võimatus - vormistada nii kriminaal- kui ka tsiviilprotsessis ekspertiisiaktiga.

Nüüdisteaduses ilmnevatele integratsiooniprotsessidele omaseks põhisuunaks on ka keeleliste vahendite unifitseerimine teaduses /6, lk. 47/. See ilmneb õigusteaduses õigusharudevahelises õigusterminoloogia ühtlustamises.

Kui terminid^x ei ole ühetähenduslikud, keerustub õigusnormide rakendamine. Seepärast vastab ideaalile niisugune olukord, kus üht õiguslikku mõistet tähistatakse ühe ja sama terminiga kogu nõukogude seadusandluses /8, lk. 29/. Õigusterminite ühtlustamine on eelduseks ka seadusandliku materjali kohta automatiseeritud informatsioonisüsteemi loomisel, kus on vaja silmas pida erinevates õigusharudes kasutatavate terminite kogu süsteemi /9, lk. 29/.

Sellest tulenevalt on õigusakti sõnastamise üks terminoloogilisi printsiipe terminoloogilise ühtsuse kindlustamine. Vastavalt sellele tuleb kõiki õigustermineid mõista ja sisustada seostatult teiste terminitega ning arvestada ühtlasi teiste õigusaktide terminoloogiat. Lubamatu on õigusaktides ühele terminile anda erinevaid tähendusi /2, lk. 56-57/. Ühtaegu on vaja tagada nii ühes ja samas õigusharus kui ka eri õigusharudes terminite ühetähenduslikkus /10, lk. 99/.

Kui ühes teadusharus on termini tähendus kindlalt piiritletud, tuleb seda arvesse võtta ka teistes teadusharudes. Näiteks on "spetsialist" ENSV KrPK termin. See tähistab kriminaalprotsessis eriteadmiste rakendamise ühte subjekti, kes võtab ENSV KrPK §-de 111¹ ja 214¹ järgi osa uurimis- ja kohtutoimingutest.

^x Termin (lad. *terminum* 'piir, raja') on kontekstist (mõtteliselt terviklikust tekstiosast) praktiliselt sõltumatu ja täpselt piiritletud tähendusega erialakeelne sõna või sõnaühend - mõtteline sõnaseostus. Terminid annavad normatiivaktile sõnastusliku täpsuse, selguse ja lakoonilisuse - tabavalt napisõnalise väljendusviisi.

ENSV TsPK ei tunne spetsialisti niisugust mõistet, mistõttu seda kasutatakse ENSV TsPK §-s 56 lg. 1 hoopis teises tähenduses eksperdi määramise reguleerimisel: ekspertiisi teevad vastavate asutuste^x eksperdid või teised kohtu poolt määratud spetsialistid.

Lähtudes sellest, et ekspert on isik, kellel on eriteadmised (ENSV KrPK § 59 lg. 1, ENSV TsPK § 56 lg. 1), on tarvis sõna "spetsialistid" ENSV TsPK §-s 56 lg. 1 asendada sõnadega "... teised kohtu poolt määratud vastavate eriteadmistega isikud", nagu seda sõnaseostust kasutatakse ENSV KrPK §-s 59 lg. 2.

Ekspertiisi tegemine seostatakse kohtuekspertiisi teoorias eriteadmiste rakendamisega. See põhimõte on talletatud ka ENSV KrPK §-s 58 lg. 1 ja ENSV TsPK §-s 55 lg. 1. Seega on "eriteadmiste rakendamine" erialatermin, millega kõrvuti ei ole õige kasutada veel terminit "teadmised" (ENSV TsPK §-d 56 lg. 1, ja 57 lg. 3).

Terminoloogilised ebatäpsused ja sõnastusliku ühtsuse puudumine ENSV KrPK ja ENSV TsPK vahel ekspertiisi reguleerimisel tulenevad teinekord tõlkevääratustest. Näiteks annab ENSV KrPK § 60 lg. 3 p. 1 eksperdile õiguse tutvuda arvamus andmiseks vajalike toimiku materjalidega. Seevastu nenditakse ENSV TsPK §-s 57 lg. 4, et ekspert võib tutvuda asja materjalidega. Siinjuures ei ole NSV Liidu ja liiduvabariikide tsiviilseadusandluse ja tsiviilkohtumenetluse aluste §-st 37 lg. 4 ülevõetud termini "дело" tõlkimisel arvestatud, et see tähendab nii arutatavat asja kui toimitut /2, lk. 57/. Sellepärast tuleks meie arvates kasutada nii ENSV KrPK-s kui ka ENSV TsPK-s terminit "toimiku materjalid".

Mõistagi tuleb normatiivaktides kasutada termineid, mis vastavad keele nüüdistasemele. Seepärast peab ka õigusterminoloogia arenema kooskõlas aja nõuetega.

Nii on ENSV KrPK §-des 159 lg. 1; 281 lg. 3, ja 289 lg. 1 eestikeelses tekstis termin "kohtupsühhiaatriline ekspertiis" asendatud sõnaga "kohtupsühhiaatriaekspertiis".^{XX} Seda asjaolu on vaja arvestada ka ENSV TsPK §-des 265 lg. 1, ja 268 lg. 2 vajalike muutuste tegemisel.

^X Vastav asutus tähendab sisuliselt ekspertiisiasutust. Seda terminit tuleks ENSV KrPK § 158 lg. 1 eeskujul kasutada ka ENSV TsPK-s.

^{XX} Eesti NSV Ülemnõukogu Presiidiumi seadlus "Muudatuste ja täienduste tegemise kohta "Eesti NSV kriminaalprotsessi koodeksis". - ENSV ÜVT, 1982, nr. 24, art. 351 p. 35.

Terminite kaasajastamise ja ühtlustamise eesmärgil tuleks asendada ENSV TsPK-s veel näiteks sellised ekspertiisi puutuvad vananenud terminid, nagu "ekspertiisi teostamine" (ENSV TsPK § 58 lg. 2), "täiendav ekspertiis" ja "korduv ekspertiis" (ENSV TsPK § 59) ENSV KrPK eeskujul terminitega "ekspertiisi tegemine", "täiendekspertiis" ja "kordusekspertiis".

Et tagada terminite ühtsust ENSV TsPK-s, tuleks ENSV TsPK §-s 268 lg. 2 asendada selle koodeksi terminite süsteemile võõras termin "ekspertiisiarvamus" terminiga "ekspertiarvamus".

ENSV TsPK §-st 57 lg. 4 ilmneb, et ekspert võib paluda kohtult täiendavaid materjale. Samas kasutatakse ENSV TsPK §-des 167 ja 305 terminit "taotlus". Sellega seondult tuleks ka ENSV TsPK §-s 57 lg. 4 ENSV KrPK § 60 lg. 3 p. 2 eeskujul sätestada, et ekspert võib kohtult taotleda täiendavaid materjale.

Kõikide ENSV KrPK ja ENSV TsPK sätete võrdlusuuringute võimaldab ühtlustada ja täiustada seadusandlust ning õigusteamakoloogiat, võttes kriminaal- ja tsiviilprotsessi seaduse efektiivsust.

K i r j a n d u s

1. Lindmäe H. Kohtuekspertiis. - Tln.: Eesti Raamat, 1982.
2. Randalu H. Seadusandluse täiustamise ja õigusliku informatsiooni küsimusi. - Tln.: s.n., 1965.
3. Saarma J., Vahing V. Kohtupsühhaatriaekspertiis. - Tartu: s.n., 1980.
4. Академия наук СССР: Институт философии. Болгарская Академия наук: Институт философии имени академика Теодора Павлова. Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики. Том. I: Отражение, познание, творчество / Гл. ред. Павлов Теодор. - София: Наука и искусство, 1981.
5. Арсеньев В.Д. Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы. - В кн.: Проблемы теории судебной экспертизы: Сб. науч. тр. М.: Б.и., 1980, вып. 44.
6. Готт В.С., Семенов Э.П., Урсул А.Д. Интеграция научного знания: основные направления, факторы, средства. - Философские науки, 1983, № 6.
7. Кудрявцев В.Н. и др. Эффективность правовых норм / Под ред. В.Ф.Бубенцова. - М.: Юрид. лит., 1980.
8. Пиголькин А.С. Юридическая терминология и пути ее совершенствования. - В кн.: Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М.: Б.и., 1971. (Ученые записки. Вып. 24).
9. Раудсалу В.Д., Ребане И.А., Сильдмяэ И.Я. О создании автоматизированной системы юридической информации. - Сов. государство и право, 1974, № 5.
10. Стецовский Д.И. О терминологии уголовно-процессуального законодательства. - В кн.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности / Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1972, вып. 16.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В УГОЛОВНОМ И ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВАХ ЭСТОНСКОЙ ССР

Х. Линдмяэ

Резюме

Для современной науки характерно заметное углубление процессов интеграции, которому способствует в качестве диалектической противоположности интенсивная дифференциация научного знания. Одним из основных направлений, свойственных процессу интеграции научного знания на современном этапе научно-технической революции, является перенос идей и представлений из одной области знания в другую с учетом особенностей этих областей.

Данное направление процессов интеграции наглядно проявляется у близких отраслей науки. На этой основе происходит взаимное обогащение отраслей науки.

Такое направление процессов интеграции можно заметить и между уголовным и гражданским судопроизводствами Эстонской ССР. Оно проявляется в сравнительном исследовании структурных элементов уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права - правовых норм и институтов, с целью взаимного совершенствования положений УПК ЭССР и ГПК ЭССР и повышения эффективности их действия. Взаимное совершенствование правовых норм и институтов предполагает и унификацию формы и содержания положений, регулирующих близкие по своему характеру процессуальные отношения.

Близость процессуальных отношений особо заметна при судебной экспертизе. Как в уголовном, так и в гражданском процессе цели судебной экспертизы совпадают: используя специальные знания в форме экспертизы, установить обстоятельства, имеющие значение в уголовном и гражданском процессах и посредством этого способствовать выполнению задач уголовного и гражданского судопроизводства. Такое совпадение целей служит основанием для унификации и правового регулирования проведения экспертиз.

При сравнительном исследовании положений УПК ЭССР и ГПК ЭССР наряду с совпадающими положениями, регулирующими проведение судебной экспертизы, выявляется и множество существенных, но не полностью обоснованных расхождений. Такие расхождения обнаруживаются, например, в разном понимании понятий объекта и предмета экспертизы, заключения эксперта (в УПК ЭССР заключением эксперта считается ошибочно и выводы о невозможности дачи заключения, а также вероятные выводы), оснований к отводу эксперта и в разном регулировании его ответственности, а также в разном процессуальном оформлении производства экспертизы и отказа от дачи заключения, если представленные ему материалы недостаточны для дачи заключения или поставленный вопрос выходит за пределы его специальных знаний.

Одним из основных направлений в современной науке считается и унификация средств языка науки. Данное направление проявляется в приведении юридической терминологии к единой системе в отдельных отраслях правовой науки. Это, в частности, создает и предпосылки для выработки автоматизированной системы получения юридической информации.

В УПК ЭССР и ГПК ЭССР недопустимо применять для обозначения совпадающих понятий разные термины, необходимо устранить терминологические неточности и обеспечить использование терминов, отвечающих уровню современного языка.

Совершенствование норм УПК ЭССР и ГПК ЭССР служит средством для повышения эффективности их реализации.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ (СП) В
СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Э. Кергандберг

Термин "специальные познания" /1/ относится к наиболее часто встречающимся терминам в советской уголовно-процессуальной и криминалистической литературе последних лет. При определении же понятия, обозначаемого термином "СП", в литературе наблюдаются существенные разногласия. И это несмотря на то обстоятельство, что по нашим данным всеми советскими правоведами как возникновение, так и существование проблемы связывается с повышением в уголовном судопроизводстве роли неюридического фактора, или, как об этом принято говорить в литературе, с расширением использования в уголовном процессе современных достижений науки и техники /2/.

Одинаковое понимание возникновения какой-то проблемы (генетических связей этой проблемы) разными учеными не должно, конечно, непременно вести к одинаковым определениям основных понятий, связанных с данной проблемой. При этом хочется подчеркнуть лишь то, что при определении этих основных понятий нельзя упускать из виду генетические связи проблемы. Представляется, что такие связи не учитываются как теми авторами, которые при анализе проблемы использования СП в уголовном процессе говорят и о юридических специальных познаниях /3/, так и теми правоведами, которые, решая в рамках юридических наук науковедческие проблемы, приводят обширные классификации наук и пытаются определить объем специальных познаний общего назначения /4/.

Если с науковедческой точки зрения можно все или некоторые юридические познания отнести, безусловно, к специальным познаниям, то говорить об использовании в уголовном процессе юридических СП — тавтология и явное недоразумение. При таком подходе мы не можем усмотреть какой-либо новый аспект в науке уголовно-процессуального права. Также невозможно увидеть практический смысл отнесения юридических познаний

к используемым в уголовном процессе СП. В то же время, говоря об использовании в уголовном процессе СП как об использовании определенных неюридических факторов, мы сталкиваемся с рядом серьезных теоретических проблем, решение которых поможет повысить эффективность борьбы с преступностью.

Исходя из приведенных соображений считаем правильным поддерживать исторически сложившуюся практику и поэтому относим к используемым в уголовном процессе СП исключительно неюридические, в основном научные, но и некоторые по своей функции обыденные познания /5/, которые не являются общеизвестными.

При этом следует, однако, отметить, что мы присоединяемся к тем советским правоведам, которые не относят криминологию, виктимологию, а также криминалистику к чистоюридическим наукам, и поэтому имеем возможность рассматривать использование в уголовном процессе и данные этих наук в качестве использования СП.

Также, по нашему мнению, было бы целесообразно охватить понятием СП и используемые в уголовном процессе разные технические средства /6/. Таким образом, технические средства, являясь своего рода материализованными знаниями, составляют самостоятельный вид специальных познаний. Охват технических средств понятием СП обоснован в частности тем, что невозможно пользоваться техническими средствами, не пользуясь в то же время и соответствующими приемами, способами, то есть соответствующими СП в их классическом определении.

Представляется также, что, охватив понятием СП и используемые в уголовном процессе технические средства, мы создадим более благоприятные предпосылки для эффективного совершенствования уголовно-процессуального законодательства, ибо в этом случае мы имеем полное основание для объединения в одно подразделение УПК всех правовых норм, регулирующих использование в уголовном процессе большинства неюридических факторов. При этом нельзя не сослаться на высказывание С.С. Алексеева о том, что "... при определении архитектоники норм акта необходимо стремиться к тому, чтобы каждое из него укрупненное подразделение (глава, подглава) посвящалось одному правовому институту" /7/.

Как известно, любым интегративным процессам в качестве диалектического "противовеса" должна сопутствовать определенная дифференциация интегрируемого материала. В связи с этим наряду с интеграцией норм УПК, регулирующих использова-

ние в уголовном процессе СП, важным представляется и вопрос о дальнейшей дифференциации отдельных конкретных форм использования СП.

В последнее время среди советских правоведов широко распространена точка зрения, согласно которой в законе указаны далеко не все формы использования СП, к которым прибегают в практике борьбы с преступностью /8/. В то же время мнения авторов, придерживавшихся этой точки зрения, по многим конкретным вопросам расходятся.

На первый взгляд, очень конструктивно подходят к разграничению отдельных форм использования СП В.К. Лисиченко и В.В. Циркаль. По их мнению, здесь следует исходить из цели использования СП и из способа реализации этой цели /9/. В конечном итоге система форм, которую приводят В.К. Лисиченко и В.В. Циркаль, состоит из трех основных и из трех вспомогательных форм. К первым они относят использование СП самим следователем, экспертизу и помощь специалиста, причем к последней основной форме они относят и участие педагога в следственных действиях, а также судебно-медицинское освидетельствование в присутствии следователя. К вспомогательным формам же ими относятся участие в следственных действиях переводчика, либо лица, понимающего жесты немого или глухого, судебно-медицинское освидетельствование без участия следователя (в случаях, когда следователь и лицо, подлежащее освидетельствованию — люди разного пола) и ревизия /10/.

Однако В.К. Лисиченко и В.В. Циркаль не раскрывает различия в целях, а также способах реализации этих целей при тех или иных формах использования СП. Также они не показывают, в чем суть различия между основными и вспомогательными формами.

Представляется, что наиболее перспективный подход к построению системы форм использования СП дан в работах Ю.А. Калинин и В.И. Шиканова.

Ю.А. Калинин различает формы, при которых мы имеем дело с непосредственным участием в уголовном процессе лиц, владеющих специальными познаниями, и формы, которые не связываются с непосредственным участием в процессе таких лиц /11/. Формы непосредственного участия, по мнению Ю.А. Калинин, являются или специфическими (экспертиза, использование СП специалиста, участие педагога, судебно-медицинское освидетельствование лица до возбуждения уголовного дела) или неспецифическими (допрос в качестве свидетелей тех ревизоров,

контролеров, инспекторов и других подобных сведущих лиц, материалы проведенного которыми ревизий, проверок и ведомственных расследований приобщены к данному уголовному делу /12/. К формам опосредованного участия сведущих лиц в уголовном процессе, по мнению Д.А. Калинин, относятся: 1) ревизия, проводимая по требованию органа расследования и суда; 2) ревизия и проверка, осуществляемые по инициативе хозяйственных и финансовых органов; 3) обследования и проверки, проводимые соответствующими инспекциями, а также ведомственные экспертизы; 4) ведомственные расследования крушений и аварий /13/. При этом Д.А. Калинин правильно указывает, что обо всех этих ревизиях, проверках, обследованиях и т.д. как о формах использования СП в уголовном процессе можно говорить лишь тогда, когда они являются в конечном итоге доказательственным материалом по делу /14/.

За пределами своей основной системы, по мнению Д.А. Калинин, остается использование таких СП, как "...различного рода справки, содержащие какие-либо сведения из той или иной области специальных познаний..., встречающиеся в практике кассационного и надзорного производства письменные мнения сведущих лиц" /15/.

Проблема форм использования СП всесторонне проанализирована В.И. Шикановым. Причем перечень, который самим А.И. Шикановым называется перечнем форм, в основных чертах сходен с перечнем форм, приведенных Д.А. Калинин /16/. Различие лишь в том, что, во-первых, В.И. Шиканов совершенно обоснованно относит к формам использования СП также участие в уголовном процессе переводчиков и лиц, понимающих мимико-жестовую речь глухих и немых, а, во-вторых, в качестве отдельной формы использования СП рассматривает непосредственное использование их, например, следователем /17/. Кроме форм использования СП В.И. Шиканов различает еще диапазоны, сферы и процессуальные уровни использования СП.¹⁸

Подобное терминологическое разнообразие при описании отдельных аспектов одного и того же явления вряд ли обосновано. Целесообразно при этом, как нам представляется, отправляться всего лишь от диалектики содержания и формы, учитывая при этом многозначность категории формы. При таком подходе можно было бы, во-первых, прийти к выводу, что диапазон использования СП и есть по существу просто содержание соответствующих используемых СП, ибо именно содержание является той категорией, которая "...выражает сумму всех компонентов,

связей и процессов, образующих данное явление" /19/.

Что касается уровней, то в концепции В.И. Шиканова они фигурируют как своеобразные сводки близких по своему существу форм использования СП и в то же время как характеристики доказательственного аспекта конечных результатов использования этих близких форм.

Мы полагаем, что все указанные В.И. Шикановым разные уровни, если иметь в виду сущность уголовного процесса, являются одним и тем же уровнем - доказательственным уровнем использования СП в уголовном процессе, причем разные результаты использования СП (по В.И. Шиканову - разные уровни) являются по существу лишь разными внешними формами использования СП. Какую внешнюю форму обретает та или иная конкретная внутренняя форма использования СП, зависит от того, в качестве какого вида доказательств оно в конечном итоге выступает.

Трудно согласиться и с классификацией сфер использования СП, предложенной В.И. Шикановым. Конечно, при анализе любого вида действий (в том числе и использования СП), нельзя пройти мимо внешних условий этих действий, которые и рассматриваются В.И. Шикановым в качестве критериев разграничения сфер.

Все внешние условия подразделяются на условия места и условия времени. Условия места, как нам представляется, могут служить критерием разграничения сфер использования СП лишь тогда, когда каждая союзная республика выделяется в отдельную сферу. Но такое разграничение ничего не дает и, кроме того, на наш взгляд, вряд ли обосновано различное уголовно-процессуальное регулирование использования СП в союзных республиках.

Что касается разных условий времени в уголовном процессе, то под ними следует подразумевать разные стадии уголовного процесса. Использование СП на разных стадиях имеет, конечно, свою специфику, но вряд ли это может послужить основанием для переименования стадий в сферы. О сферах использования СП следовало бы, по нашему мнению, говорить тогда, когда имеют в виду использование СП, с одной стороны, в непосредственных рамках уголовного процесса (процессуальная сфера), а с другой - за этими рамками (внепроцессуальная сфера).

Учитывая вышеотмеченное, считаем наиболее правильной систему форм использования СП в советском уголовном процес-

се, которая схематично изображена в приложении к настоящей статье. Для уточнения и разъяснения схемы отметим следующее.

1. Использование СП во внепроцессуальной сфере интересует нас постольку, поскольку его результаты будут приобщены следователем к уголовному делу. Придерживаясь мнения, согласно которому такое приобщение является непосредственным использованием СП, нельзя все же не заметить, что это использование СП отличается от тех случаев, когда, например, следователь пользуется своими собственными СП. Из этого и вытекает необходимость говорить отдельно о прямом и о косвенном непосредственном использовании СП, причем вышеуказанное приобщение результатов использования СП во внепроцессуальной сфере к уголовному делу является именно косвенным непосредственным использованием СП.

2. Как указывалось выше, Ю.А. Калинин, например, рассматривает предусмотренную в УПК Украинской, Казахской и Армянской ССР судебно-медицинское освидетельствование в качестве самостоятельной формы использования СП. В связи с этим возникает вопрос о сущности и о специфике этой формы, а также о целесообразности ее включения в уголовно-процессуальный закон других союзных республик.

Судебно-медицинское освидетельствование нельзя рассматривать в качестве подвида участия специалиста в следственных действиях, ибо по УПК указанных трех республик оно проводится соответствующим субъектом, имеющим судебно-медицинские СП, самостоятельно /20/. Тем самым исключается возможность рассматривать судебно-медицинское освидетельствование в качестве следственного действия, хотя исходя из расположения судебно-медицинского освидетельствования в УПК указанных трех республик такой вывод можно было бы сделать. При этом хочется подчеркнуть, что мы полностью поддерживаем тех авторов, которые считают невозможным проводить следственные действия лишь одним специалистом. Так, в случае (в следственной практике ЭССР - очень редко) необходимости проведения "простого" освидетельствования, если следователь и лицо, подлежащее освидетельствованию - лица разного пола, то следует пригласить другого следователя /21/. Если учитывать, что согласно ст. 100, ч. 1, УПК ЭССР освидетельствование относится к неотложным следственным действиям, то в крайних случаях может следователь поручить производство освидетельствования работнику органа дознания, имеющему с освидетельствуемым тот же пол /22/.

Известное внешнее сходство имеет судебно-медицинское освидетельствование с ревизией, осуществляемой по требованию следователя. Однако это сходство лишь внешнее. Если судебно-бухгалтерская экспертиза, как правило, не может быть назначена до производства внеплановой ревизии /23/, ибо специфика этой экспертизы предполагает квалифицированные предварительные действия для точного ограничения предмета экспертизы, то судебно-медицинская экспертиза проводится без таких предварительных действий. Объект и предмет судебно-медицинской экспертизы даны нам непосредственно.

Исходя из сказанного нельзя считать оправданным отнесение в указанных трех республиках судебно-медицинского освидетельствования к самостоятельным формам использования СП. Судебно-медицинское освидетельствование - это подвид следственного действия - освидетельствования, проведение которого, как правило, всегда предполагает применение СП в форме привлечения специалиста.

Хочется отметить, что по данным проведенного нами опроса /24/ 53,97% ответивших адвокатов республики высказались за допустимость освидетельствования в порядке *de lege ferenda* (в первую очередь его судебно-медицинского подвида) до возбуждения уголовного дела. Правда, мотивируя свою позицию, адвокаты не всегда исходят из позиции защиты. Так, некоторые адвокаты отмечают, что легализация судебно-медицинского освидетельствования до возбуждения уголовного дела во многом облегчила бы возбуждение уголовных дел т.н. частного обвинения.

Считая вполне оправданным утверждение Х. Линдмяз о том, что по существу освидетельствование - лишь подвид осмотра /25/, и учитывая, что второй подвид осмотра - осмотр места происшествия по закону допускается до возбуждения дела, следует серьезно относиться к предложениям большинства адвокатов республики.

3. По нашему мнению, вполне обосновано рассмотрение участия педагога в уголовном процессе в качестве самостоятельной формы использования СП.

На различие процессуального положения специалиста и педагога указывал уже М.С. Строгович /26/. Действительно, по закону участие педагога в следственных действиях наиболее ограничено, чем участие специалиста. И что важнее, в отличие от специалиста педагог должен содействовать следователю не только при осуществлении им своей функции, но и при обеспе-

ченики следователем обвиняемому права на защиту.

По данным вышеуказанного опроса выяснилось, что 44,07% ответивших адвокатов считают, что участие педагога в уголовном процессе приравнивается к участию специалиста; 32,30% рассматривают участие педагога как самостоятельную форму использования СП, а 23,73% находят участие педагога в процессе вообще ненужным.

4. Трудно, по нашему мнению, не признать самостоятельной формой использования СП участие в процессе переводчиков и лиц, владеющих жестовым языком глухих и немых, хотя такая точка зрения далеко не общепризнана. Для выяснения того, как оценивается адвокатами участие переводчиков в уголовном процессе, нами был задан им следующий вопрос: "Статья 112 УПК ЭССР регламентирует участие в предварительном следствии, в том числе и ответственность за заведомо ложный перевод. Но богатство языка создаст также возможность правильно перевести по-разному, пользуясь, например, различными словами или интонациями. Встречались ли в Вашей практике случаи, когда не было основания для привлечения переводчика к уголовной ответственности по статьям 173 или 175 УК ЭССР, но когда переводчик все же выступал не просто как посредник информации, но оказывал и определенное воздействие на ход процесса?". 56,25% считали, что такое влияние переводчика возможно, 35,9% ответивших отметили, что они замечали такое влияние и лишь 7,81% считают, что такое влияние немислимо. Однако, несмотря на столь высокую оценку возможностей переводчиков в уголовном процессе, лишь 20,41% ответивших рассматривают участие переводчика в процессе в качестве самостоятельной формы использования СП.

Представляется, что в дальнейшем следует как в практике, так и в теории уголовного процесса уделять больше внимания вопросам, связанным с переводчиком.

5. Нельзя не признать самостоятельной формой использования СП встречающаяся в практике расследования создание художниками в ходе допроса так называемых субъективных портретов. В отличие от участия специалиста в уголовном процессе при создании субъективных портретов помощь оказывается в первую очередь не следователю, а допрашиваемому. Суть действий при создании субъективных портретов наиболее близка к действиям переводчика в процессе, ибо в обоих случаях мы имеем дело с опирающимся на СП преобразованием информации. Однако, в отличие от переводчика, изготовитель субъективных

портретов является не только преобразователем, но и создателем информации.

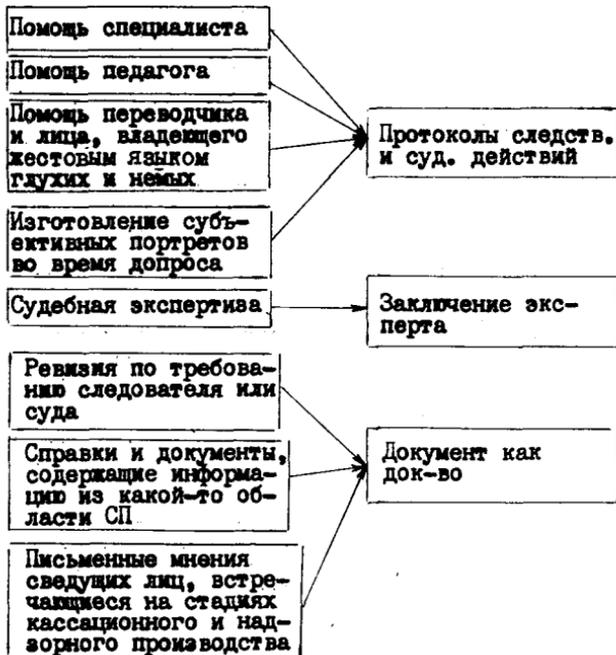
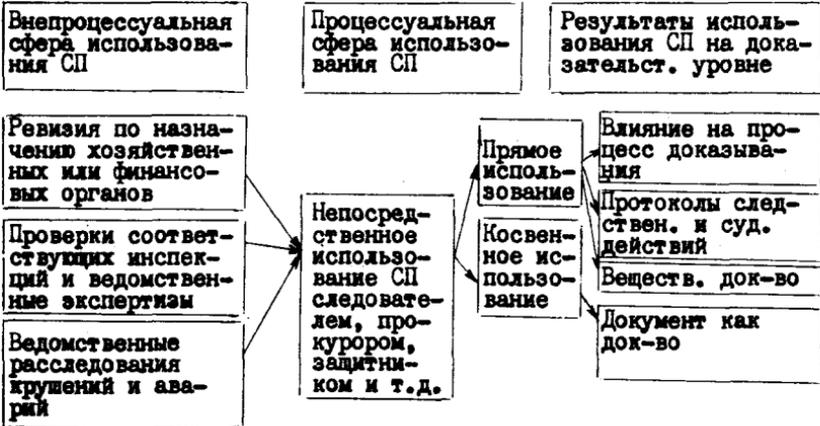
По нашему мнению, следует согласиться с предложением П.С. Кузнецова о рассмотрении субъективных портретов в качестве органической части допроса, ибо такой подход позволяет изготовленный портрет вовлечь в процесс доказывания /27/.

6. Технические средства, охватываемые нами понятием СП, сами по себе не составляют самостоятельной формы использования СП ни в процессуальной, ни в непроцессуальной сферах. На доказательственном уровне (в качестве доказательств) технические средства могут выступать и самостоятельно – в виде документов, вещественных доказательств, а также протоколов следственных и судебных действий. Представляется, что материалы, полученные в результате использования технических средств при фиксации следственных и судебных действий, целесообразно рассматривать именно в качестве подвида протокола следственного или судебного действия как доказательства и в связи с этим следовало бы внести дополнение в ст. 64 УПК ЭССР, излагая ее в следующей редакции: "Следственные и судебные действия фиксируются в письменном протоколе. Они могут быть зафиксированы также при помощи таких технических средств как фотоаппарат, кинокамера, звукозаписывающая аппаратура, видеозаписывающая аппаратура и др., причем и дополнительные фиксации являются самостоятельной формой доказательств".

7. Результаты использования СП на доказательственном уровне – это в первую очередь разные доказательства, на формирование которых СП оказали существенное влияние. Однако результаты использования СП на доказательственном уровне все же не всегда должны быть воплощены в доказательства, так как доказательство и доказывание – понятия разные. Так, например, умелое непосредственное использование специальных психологических познаний прокурором и защитником в их судебных речах может существенно повлиять на разрешение уголовного дела, хотя этим вовсе не вносятся изменения в доказательственный материал.

Приложение

Формы использования специальных познаний (СП) в советском уголовном процессе

Литература и примечания

1. Как известно, в УПК некоторых союзных республик, в том числе и в УПК ЭССР, говорят о специальных знаниях.

В словаре синонимов русского языка термины "знания" и "познания" рассматриваются как синонимы, однако как такие синонимы, которые все-же служат выражением тонких смысловых оттенков: если термин "знание" обозначает "... совокупность понятий, представлений о чем-либо, полученных, приобретенных в результате учения, в процессе жизни и т.д.", то термин "познания" обозначает "... сумму знаний в какой-либо области". См.: Институт русского языка АН СССР. Словарь синонимов. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ие, 1976, с. 173.

Представляется, что именно термин "познания" является более приемлемым в тех случаях, когда нас интересуют не просто какие-то результаты человеческого познания, а когда мы хотим сосредоточить внимание на использовании этих результатов в своих дальнейших действиях.

2. См., напр.: Арсеньев В.Д. Специальные знания и научно-технические средства в уголовном процессе (понятие и основные формы использования). - В кн.: Криминалистические и процессуальные проблемы расследования: Межвуз. темат. сб. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983, с. 38.

3. См., напр.: Арсеньев В.Д. Указ. ст., с. 41; Пучкова Т.М. Сущность и формирование специальных познаний эксперта, исследующего материалы, вещества и изделия. - В кн.: Актуальные вопросы теории судебной экспертизы: Сб. науч. тр. ВНИИСЭ. М.: Б.и., 1976, вып. 21, с. 191; Lindmäe H. Kohtu-ekspertiis. - Tallinn: Eesti Raamat, 1982, lk. 9.

4. См., напр.: Сорокотягин И.Н. Системно-структурная характеристика специальных познаний и формы их использования в борьбе с преступностью. - В кн.: Применение специальных познаний в борьбе с преступностью: Межвуз. сб. науч. тр./Свердл. юрид. ин-т. Свердловск: Б.и., 1983, с. 3-10.

5. О функциональном разграничении научных и обыденных познаний см., напр.: Вичева Д.В., Штофф В.А. Диалектика обыденного и научного знания. - Филос. науки, 1980, № 4, с. 50-59.

6. Говоря об используемых в уголовном процессе технических средствах, в литературе часто применяется термин "научно-технические средства". На претенциозность этого термина указал Р.С. Белкин: не все средства, применяемые при расследовании уголовных дел, можно назвать научными. - См.: Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. - М.: Б.и., 1977, с. 73. Р.С. Белкин предлагает термин "техничко-криминалистические средства" - См.: Белкин Р.С. Указ. соч., с. 73.

Критикуя в свою очередь терминологическую замену, предлагаемую Р.С. Белкиным, В.И. Гончаренко правильно показывает, что далеко не все средства, используемые в криминалистических целях, могут быть названы криминалистическими. Более того, большинство из этих средств разработано и изготовлено в иных сферах жизни и они используются в криминалистике без всяких изменений. - См.: Гончаренко В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве. - Киев: Вида школа, 1980, с. 92. Выступая в защиту термина "научно-технические средства", В.И. Гончаренко пишет, что поскольку в нем дефис равнозначен союзу "и", он "...объединяет средства всех уровней научности, которые могут применяться в криминалистике - от ЭВМ до молотка и иглы..." - Гончаренко В.И. Указ. соч., с. 91. Между тем трудно понять, как можно двухсловным термином обозначать все уровни какого-то явления, если этих уровней больше двух. Если же их только два, то напрашивается вывод, что средства, используемые в уголовном процессе, считаются или научными, или техническими. Из этого в свою очередь следует вывод о том, что все технические средства, используемые в уголовном судопроизводстве, являются, якобы, ненаучными!

На самом деле в уголовном процессе пользуются просто техническими средствами. Вместе с тем все они должны максимально удовлетворять требованиям научности, подобно тому, как этим требованиям должны удовлетворять все специальные познания вообще. При этом в отношении более сложных технических средств требование научности охватывает как требование научности относительно использования (в основном с точки зрения соответствия рекомендациям науки криминалистики), так и относительно изготовления этих средств (с точки зрения той отрасли науки, данные которых легли в основу создания соответствующих технических средств). В отношении более простых технических средств требование научности сводится лишь к

требованию научности пользования этими средствами.

7. Алексеев С.С. Структура советского права. - М.: Юрид. лит., 1975, с. 128.

8. Как известно, в уголовно-процессуальном законе говорится о двух формах использования СП. Некоторые советские процессуалисты рассматривают также только две формы - экспертизу и использование познаний специалиста. - См., напр.: Глотов О.М. Формы использования специальных познаний в советском уголовном процессе должны быть расширены. - В кн.: Вопросы экспертизы в работе защитника / Под ред. И.Ф. Крылова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970, с. 45; Серов В.А. Специальные познания и формы их использования при расследовании и рассмотрении уголовных дел. - В кн.: Социальное развитие и право. М.: Юрид. лит., 1980, с. 73.

9. См.: Лисиченко В.К., Циркаль В.В. Формы использования специальных познаний и виды участия специалистов на предварительном следствии. - В кн.: Применение специальных познаний в борьбе с преступностью: Межвуз. сб. научн. тр./Свердл. юрид. ин-т. Свердловск: Б.и., 1983, с. II.

10. См.: Лисиченко В.К., Циркаль В.В. Указ. ст., с. II-18.

11. См.: Калинкин Ю.А. Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями. - Вестн. МГУ. Серия XI, Право, 1980, № 3, с. 56-61.

12. См.: Калинкин Ю.А. Указ. ст., с. 58.

13. См.: Калинкин Ю.А. Указ. ст., с. 59.

14. См. там же.

15. См. там же.

16. См.: Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса: На материале процессуал. и криминалист. исслед. угол. дел об убийствах. - Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1978, с. 25-26.

17. См.: Шиканов В.И. Указ. соч., с. 26.

18. См.: Шиканов В.И. Указ. соч., с. 27-29.

19. Maكارov M. Materialistliku dialektika kategooriad. - Tallinn: S.n., 1973, lk. 96.

20. См.: Калинкин Ю.А. Указ. ст., с. 57.

21. См.: Линдмяэ Х. Освидетельствование и судебно-медицинская экспертиза. - Сов. право, 1980, № 5, с. 353.

22. См. там же.

23. См.: Судебная бухгалтерия: Учебник. - М.: Юрид. лит., 1980, с. 185.

24. Анкетирование, основной целью которого являлось выявление реальных возможностей адвокатов использовать специальные познания, проводилось в 1982 году. На 94 вопроса анкеты ответили 66 адвокатов ЭССР, что составляет примерно 50% от всех адвокатов республики. Обработка полученной информации проводилась с помощью ЭВМ в вычислительном центре ТГУ.

25. См.: Линдмяэ Х. Указ. ст., с. 351.

26. См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. 2-е изд., перер. и доп. - М.: Изд-во ИГПАН СССР, 1970, т. II, с. 477.

27. См.: Кузнецов П.С. Роль специальных познаний в процессе применения субъективных портретов. - В кн.: Применение специальных познаний в борьбе с преступностью. Межвуз. сб. науч. тр./Свердл. юрид. ин-т. Свердловск: Б.и., 1983, с. 73.

ПРОВЕРКА И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ
СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СВЕТЕ
ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ЭСТОНСКОЙ ССР

Р.А. Марусте

Данные опроса и судебной практики*, а также материалы, опубликованные в специальной литературе, свидетельствуют о том, что работники юстиции еще не знакомы со всеми особенностями и правилами оценки результатов судебно-психологической экспертизы^{Ж*}. Это не только отрицательно сказывается на максимальном использовании полученных ПЭ результатов, но и во многих случаях влечет за собой воздержание от назначения экспертизы, несмотря на ее очевидную необходимость, а также от постановки нужных вопросов и непредставление требуемых для экспертизы материалов.

ПЭ имеет одну существенную особенность, отличающую ее от других видов судебных экспертиз. Она состоит в том, что предметом исследования ПЭ могут быть феномены и понятия, которые одновременно являются также предметом исследований юриспруденции (личность, мотивация поведения, воля, возраст и др.). Отсюда возникает немало дискуссий вокруг ПЭ, о ее допустимости и т.д., в том числе и о проверке и оценке ее результатов. Указанная особенность ПЭ отнюдь не означает какой-либо исключительной роли или значения заключения эксперта-психолога в правосудии. В отношении оценки и проверки заключения эксперта-психолога действуют все нормы и положения советского уголовного процесса. Заключение эксперта-психолога служит лишь одним из доказательств наряду со всеми другими (в частности, заключений) и не имеет никакого особого, преимущественного значения по отношению к заключениям

* Эмпирическую базу составляет данные опроса 235 работников правоохранительных органов (судьи, следователи, прокуроры и адвокаты) ЭССР и обобщение 60 уголовных дел, в которых была проведена судебно-психологическая экспертиза.

Ж* В дальнейшем "ПЭ".

других видов экспертиз. Порой это забывается и заключение ПЭ "приписывается" некая исключительность, особое значение и т.д. Поэтому совершенно правы те авторы (М.М. Коченов), которые подчеркивают по сути дела тривиальную истину о неисключительности ПЭ и то, что эксперт вообще никогда не решает вопросов окончательно, а лишь высказывает в заключении акта экспертизы мнение с точки зрения представляемых им специальных знаний и в пределах своей научной компетенции /1/.

Проверка и оценка результатов экспертизы зависит от субъекта проверки и оценки и проводится в три этапа: 1) за пределами экспертного заключения, 2) в пределах экспертного заключения и 3) путем сопоставления его с другими, собранными по данному уголовному делу доказательствами /2/.

На первом этапе анализу подвергаются обоснованность и правильность действий лица, назначившего экспертизу. Проверяются и оцениваются наличие необходимых доказательственных и процессуальных оснований для назначения и проведения ПЭ и соблюдение вытекающих из них процессуальных требований.

На втором этапе анализируются:

а) наличие предпосылок к проведению экспертизы - наличие исследуемого материала и пригодность эксперта-психолога. Дополнительно к сказанному в этой связи необходимо указать следующее. Иногда исследуемый материал ограничен по объективным причинам (например, у лица могло внезапно возникнуть состояние сильного душевного волнения, которое протекало без очевидцев, а поэтому отсутствует объективное описание случившегося, внешности и поведения субъекта). В подобных случаях эксперт лишен возможности дать категорическое заключение о наличии физиологического аффекта, в связи с чем допускает лишь возможность аффекта (такие казусы имели место). Следовательно, в случаях, когда задача состоит в установлении обстоятельств, о которых эксперт-психолог не в силах дать объективное заключение в категорической форме и возникшее сомнение невозможно устранить путем собирания новых доказательств, согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда СССР за № 4 от 30 июня 1969 г. "О судебном приговоре" такие сомнения следует толковать в пользу обвиняемого (подсудимого) /3/. В данном случае не исключено, что он действовал в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения;

б) условия проведения экспертных исследований - является ли проведенная экспертиза полной и отвечают ли экспертные исследования уровню достижений психологической науки и техники;

в) результаты проведенных исследований - заслуживают ли доверия выводы эксперта-психолога и обоснованы ли они /4/.

Представляется, что принятие правильных решений по последним двум пунктам предполагает обязательное наличие определенной подготовленности в психологии. Между тем психологическая грамотность юристов слабая. Например, 54% из 194 отвечавших на наши вопросы считали, что у них нет соответствующих знаний для назначения, постановки вопросов и оценки результатов ПЭ. На слабую психологическую подготовленность юристов указывает также их поверхностное понимание сущности ПЭ: значительное количество ответов (41 из 235) гласит, будто психологические проблемы можно решать при помощи судебно-психиатрической экспертизы и, наконец, множество различных ошибок в судебной практике ПЭ. Все это свидетельствует о необходимости значительного повышения психологической подготовленности работников правосудия, на что неоднократно указывалось и в специальной литературе /5/.

Юристы должны усвоить основы научной психологии, так как многие представления о психологии и психике носят у правоведа отпечаток вульгарности, примитивизма. Незнание всегда порождает недоверие, недооценку и в то же время преувеличенные значения собственных знаний. Таким образом, работники юстиции должны иметь определенную общую осведомленность в психологии, особенно в тех ее областях, познания в которых могут быть использованы для проведения судебно-психологических исследований. Правоведам, пользующимся помощью психологических специальных познаний, необходимо быть в курсе методологии психологии и психологической диагностики. В общих чертах следует знать характер законов психологии и закономерностей человеческой психики, основных методов и правил установления психологами фактов, основных способов контроля достоверности фактов и т.д. Несомненно, психологическая подготовленность юриста должна включать знание и умение правильно пользоваться основной психологической терминологией и умение разграничивать психологическое от юридического. Правильная оценка результатов ПЭ, разумеется, предполагает также знание специфики данного вида экспертизы.

В свете вышеизложенного следует считать крайне важным издание всесоюзных учебников и справочников по общей и социальной психологии, предусмотренных специально для юристов, а также учебника-справочника по судебной психологии. Немалую пользу принесли бы и более частые выступления психологов с трибуны юристов, что в настоящее время встречается очень редко. Очевидно, сказанное предполагает также специализацию большего числа психологов на исследовании психологических проблем правосудия, более тесные контакты между психологами и юристами.

Не слишком ли завышены эти пожелания? Ведь при других видах экспертизы не предлагается быть в курсе основ их базовых наук (напр., биологии, физики, медицины и т.д.). Ответ на данный вопрос отрицателен. Ни один другой предмет экспертизы не занимает такого положения, как предмет ПЭ, вокруг которого — психика человека — вращается по сути дела все правосудие. Глубокое, всестороннее и правильное изучение проявлений психики, оптимальное и эффективное воздействие на нее — центральная проблема правосудия. Поэтому, чем выше психологическая образованность правоведов, тем выше и эффективность борьбы с преступностью. Без соответствующих знаний и навыков трудно или даже невозможно оценить также, была ли экспертиза полной, отвечают ли экспертные исследования уровню достижений современной психологической науки, заслуживают ли выводы эксперта-психолога доверия и являются ли они обоснованными.

После того как проведение ПЭ признано обоснованным и категорическое заключение эксперта-психолога достоверным, полным и обоснованным, заключение сопоставляется с другими доказательствами по делу, чтобы установить, согласуется оно с ними или нет.

При оценке результатов ПЭ особое внимание следует обратить на особенность основного предмета ее исследования. Основной предмет исследования ПЭ — психическая деятельность обвиняемого. Обвиняемый как субъект преступления становится и объектом карательного воздействия. Правильная оценка содеянного виновным и выбор оптимальных средств воздействия на него предполагают наличие возможно большего количества данных о нем как об объекте карательного воздействия. Эти данные относятся почти полностью к личности виновного. Личностные сведения же содержатся или, в принципе, должны содержаться в описательной части акта ПЭ: динамика психологиче-

ского развития испытуемого с указанием на условия воспитания и обучения; индивидуально-психологические особенности, обнаружившиеся в различные периоды жизни; ход и результат экспериментально-психологического обследования испытуемого; данные беседы с испытуемым и др. /6/. Указанные сведения прилагают акту ПЭ особое значение как источнику оценки личности виновного. Между тем на практике имели место случаи, когда, например, судебно-психиатрическая экспертиза назначалась в основном не для установления вменяемости, а для получения данных, характеризующих личность. Все это свидетельствует о большой важности данных, но никак нельзя согласиться с таким способом их получения (проведения судебно-психиатрической экспертизы).

Теория ПЭ пока еще не располагает научно разработанными критериями оценки ее эффективности. Однако важность их быстрой выработки очевидна.

Из эмпирических данных оценки результатов и эффективности ПЭ в нашем распоряжении имеются мотивированные ответы на вопрос об удовлетворенности результатами ПЭ и использованием их в судебной практике, приведенные в таблице.

№ п/п	Д о л ж н о с т ь	Частота ответов и их условное распределение (в %)			
		да	нет	да	нет
1.	Следователи прокуратуры	12	11	52,2	47,8
2.	Следователи МВД	6	3	66,7	33,3
3.	Прокуроры и помощники прокурора	11	9	55,0	45,0
4.	Судьи	11	4	73,3	26,7
5.	Адвокаты	12	6	66,7	33,3
В с е г о		52	33	61,2	38,8

Примечателен высокий уровень удовлетворенности среди судей и низкая степень ее у работников прокуратуры.

Шкала обоснования удовлетворенности весьма широкая. В основном она сводится к следующему: в 18 из 49 обоснований прямо или косвенно указывалось на содействие объективному и правильному юридическому решению дела ("послужили основой для законного судебного решения"; "способствовали составле-

ние аргументированного определения о прекращении уголовного дела"; "без ПЭ невозможно было правильно квалифицировать изнасилование"; "разъяснили мотив поведения подсудимого и облегчили выбор подходящего наказания"; "экспертиза помогла решить вопрос вины" и т.д.). В 10 случаях указывалось на помощь в сборе доказательств о личности обвиняемого или потерпевшего ("экспертом дан ответ о психологических особенностях личности потерпевшего, об уровне его умственного развития, о возможности правильно оценивать факты"; "основательно выяснены особенности личности"; "с помощью эксперта удалось установить психологические особенности подсудимого и потерпевшего" и т.д.). В 9 обоснованиях причины удовлетворенности подробнее не освещаются, в них ограничиваются лишь выражениями "были получены исчерпывающие ответы на поставленные вопросы" или "для следствия вопросы экспертизы и ответы были положительными". Отмечается также, что результаты ПЭ "позволили правильно оценить достоверность показаний" (в трех случаях); "дали надежное обоснование фактам, повлиявшим на поведение потерпевшего в критической обстановке"; "раскрыли отношение подсудимого к содеянному"; "были для всех очень интересными, мотивировка убеждающей и подозрения подтвердились".

Причинам недовольства результатами ПЭ было дано всего 31 объяснение. Исключая те обоснования, в которых недовольство было вызвано недостижением процессуальных целей ("суд не учел заключение эксперта-психолога"; "заключение противоречило другим судебным доказательствам"), причины недовольства сводятся к следующему. В подавляющей части подчеркивается поверхностность, необоснованность и неконкретность результатов ПЭ: "как правило, они как-то незакончены, не очень обоснованно изложен вывод, не очень мотивирован..."; "слабо и необъективно оформлен акт экспертизы..."; "выводы состоят из общих мест, не дали ничего нового, отсутствовала конкретность"; "заключение неконкретное, из него трудно делать необходимые выводы..."; "...неоднозначные"; "ответы часто трафаретные (особенно мотивация)"; "по причине отсутствия методики не сумели дать исчерпывающего ответа". Указывается также на недостаточную подготовленность эксперта-психолога: "эксперт... был не на уровне задач"; "в качестве эксперта выступало лицо с недостаточными познаниями"; "в результатах экспертиз не отражались специальные познания"; "эксперт сам стал оценивать доказательства". Отмечает-

ся, что "отсутствовали возможность и соответствующие знания для проверки достоверности заключения эксперта...".

Отношение к ПЭ выражалось и в ответах на вопрос: "Ваше мнение об этих, не названных в анкете основаниях и обстоятельствах назначения и проведения судебно-психологической экспертизы". Из них можно привести следующие, наиболее интересные: "Необходимо использовать даже в большем объеме, чем психиатрическую экспертизу, особенно при тяжелых преступлениях несовершеннолетних" (следователь МВД с 5-летним стажем); "Укрепляет авторитет правосудия, вносит в него научность и объективность" (прокурор с 9-летним стажем); "Не следует переоценивать важность данного вида экспертизы и преувеличивать значение его использования" (судья с 15-летним стажем); "Следователь, прокурор и суд определяют ценность психологической экспертизы. Следовало бы популяризировать ее полезность для правосудия на конкретных примерах" (прокурор с 32-летним стажем); "Перспективный вид экспертизы, нужный. Больше надо вести пропаганду позитивных результатов экспертизы" (прокурор с 12-летним стажем); "Суды не умеют еще оценивать заключения эксперта-психолога; может быть потому, что они редко встречаются" (адвокат с 21-летним стажем); "Сначала крайне важно вовлечь психологов в следственную практику (т.е. на штатные места следственного аппарата вместо педагогов - ст. 126 УПК ЭССР и в др. случаях). Только после этого будет создана база для развития психологической экспертизы. Накопленный таким образом опыт определит направление и скорость развития психологической экспертизы" (помощник прокурора с 5-летним стажем).

Нельзя сказать, чтобы в этих ответах содержалось что-то новое, ранее не известное. К тому же отсутствовали возможности для более пространных ответов (места для оформления ответа в опроснике было слишком мало). Тем не менее, в них отражается общее отношение к ПЭ и указаны наиболее значимые плюсы и распространенные недостатки. Общий характер мотивировок наводит также на мысль о том, что ответившие, быть может, не в силах конкретнее оценивать возможности (роль) ПЭ.

Использование результатов ПЭ в судебной практике следующее: в 81% случаев они использовались в случае принятия процессуальных решений и составления процессуальных документов, в 7% случаев они не нашли применения (на что прямо указывается) и в 12% случаев об этом в материалах уголовного дела сведения отсутствуют. Следовательно, данные судебной практи-

ки в общем соответствуют данным опроса и целиком подтверждают жизненную важность и эффективность ПЭ.

Представляется, что при выработке научных основ для оценки, проверки результатов ПЭ и установления ее эффективности весьма полезными и перспективными могут оказаться многие положения и вывод К.М. Гуревича и его сотрудников /7/, особенно по поводу объективизации психологических диагностических исследований с применением математико-статистического аппарата. "Психолог, недооценивающий роль статистики, может добиться только того, что его выводы будут поставлены под сомнение", - пишет К.М. Гуревич. Точное (статистическое) определение стабильности и устойчивости измеряемых признаков имеет решающее значение в исследованиях, на основании которых строится длительный прогноз (как это и есть в правосудии). Измерять надо также надежность использованных методик.

В итоге можно констатировать, что судебно-следственная практика не обладает еще всеми предпосылками к состоятельной проверке и оценке результатов ПЭ. Особенно это касается психологической подготовленности юристов, неразработанности в юриспруденции вопросов единого понятийного аппарата и возможных правовых последствий использования выводов ПЭ. Пока нет научно разработанных критериев оценки эффективности ПЭ /8/, но есть научно-практическая потребность в них. Вместе с тем имеются определенные исходные условия для их разработки в виде теории социального прогнозирования, психологической диагностики и судебной экспертизы, а также значительного количества уже проведенных экспертиз. В конечном счете, сотрудничество психологов и юристов в данном направлении существенно способствовало бы повышению эффективности применения ПЭ и тем самым эффективности борьбы с преступностью.

Использованная литература

1. Всесоюзный институт Прокуратуры СССР. Сектор психологических проблем борьбы с преступностью. - Состояние и перспективы развития судебно-психологической экспертизы в СССР: Научный доклад. - М.: Б.и., 1978, с. 41.
2. Линдмэ Х. Проверка и оценка заключения эксперта. - В кн.: Задачи юридических наук в свете решений XXVI съезда КПСС: Тезисы научн. докл. науч.-практ. конф. Тарту: Б.и., 1982, с. 115.

3. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1970. - М.: Известия, 1970.
4. Линдмя Х. Указ. соч., с. 115.
5. Наумов В.И. О состоянии и перспективах развития судебно-психологической экспертизы в Латвийской ССР. - В кн.: Вопросы судебно-психологической экспертизы: Темат. сб. науч. трудов. М.: Б.и., 1978, с. 63; Коченов М.М. Состояние и перспективы развития судебно-психологической экспертизы. - Там же, с. 15; Указанный научный доклад, с. 206 и др.
6. См. напр.; Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. - М.: МГУ, 1980, с. 33.
7. См. напр.; Психологическая диагностика: Проблемы и исследования / Под ред. К.М.Гуревича. - М.: Наука, 1976, с. 162.
8. Возможность более адекватной оценки результатов ПЭ дает знание методики проведения ПЭ по отдельным вопросам. В этом отношении можем сослаться на работы О.В. Ситковской и В. Коновалова. См.: Ситковская О.В. Судебно-психологическая экспертиза аффекта: Методическое письмо. - М.: Б.и., 1983; Судебно-психологическая экспертиза акцентуации характера подростка: Методические рекомендации. - Душанбе: Б.и., 1984.

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АССОЦИАТИВНОГО
ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ СОВЕРШЕНИИ БОРЬБЫ
С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Л.И. Аувяэрт, В.А. Вахинг

Преступления всегда сопровождаются более или менее сильными эмоциями и чувствами. Из этого исходит и законодатель, отмечая, что суд может учесть сильное душевное волнение (физиологический аффект) в качестве смягчающего обстоятельства.

Сверхсильным душевным волнением является патологический аффект, который вообще освобождает от ответственности. Установление физиологического аффекта входит в компетенцию эксперта-психолога, установление патологического аффекта — в компетенцию эксперта-психиатра. Различными смешанными формами физиологического и патологического аффектов занимается экспертная комиссия, в которую входят психологи и психиатры (так называемые комплексные экспертизы).

В специальной литературе относительно много внимания уделяется определению аффекта (см. например, работы Б.В. Сидорова /13/ и Т.Г. Шавгулидзе /16/ и меньше — его возникновению и развитию. В клинике, т.е. в развитии и течении аффекта принято различать следующие три фазы, непосредственно переходящие одна в другую. Первая так называемая подготовительная фаза характеризуется нарастанием напряженности возникших при соответствующих условиях (оскорбление, обида, угроза) отрицательных эмоций (чувства недоумения, раздраженности, обиды, униженности, озлобленности) и перехода их в аффекты (сильные эмоции) гнева, негодования, пока еще без явлений расстройства сознания (так называемые физиологические аффекты). Клиника этого этапа развития аффекта содержит ряд телесных (вегетативных) и психических симптомов, свойственных вообще эмоциональным состояниям, являющимся целостными реакциями всего организма. В начале этого этапа в соответствии с астенической природой возникающих здесь эмоций наблюдается побледнение лица, падение тонуса мускулатуры, иногда дрожание губ, век, конечностей, сухость во рту, стеснение и боли в области сердца, замирание в груди, задержки

дыхания. Возникает чувство слабости, становится трудно двигаться, иногда возникает кратковременное состояние полного обездвижения, течение мыслей расстраивается, мысли становятся неясными, расплывчатыми, они то замедляются в своем течении, то необычно ускоряются. В следующий момент, в соответствии с нарастанием напряженности эмоций и с приобретением ими стенического характера вегетативная и психическая симптоматика меняется: лицо краснеет, пульс учащается, дыхание становится глубоким и частым, выражение лица, раньше недоуменное и растерянное, становится гневным, тонус мускулатуры резко повышается, появляются отдельные агрессивные движения, иногда вырываются гневные угрожающие слова, круг восприятий и представлений сужается, мышление становится монотематичным, содержание сознания все больше заполняется представлениями и ассоциациями, определяемыми господствующим аффектом. Это состояние без резких границ переходит во второй этап — фазу взрыва, отличающуюся от предыдущего этапа наличием двигательного возбуждения агрессивного характера при резко суженном сознании. Человек набрасывается на обидчика, наносит ему поражающие своей жесткостью тяжелые увечья, нередко совершает убийство, причем все эти действия, несмотря на их координированный характер и внешнюю целенаправленность, совершаются автоматически, без контроля со стороны сознания. Воспоминания о произведенных действиях, об окружающей в этот момент обстановке впоследствии полностью отсутствуют. След за фазой взрыва наступает третья, исходная и заключительная фаза, характеризующаяся чрезвычайно резким физическим и психическим истощением — чувством необычайной слабости, неспособностью сосредоточиться, отчетливо, несмотря на прояснение сознания осмыслить содеянное, безучастием ко всему окружающему. Нередко истощение настолько резкое, что непосредственно после фазы взрыва наступает глубокий сон /3/. Приведенная характеристика показывает, что аффект развивается по законам стресса, описанным достаточно подробно Г.Селье /12/. Патологический аффект, таким образом, является третьей фазой стресса, когда организм израсходовал все свои резервы для восстановления равновесия со средой. Патологический аффект представляет собой кратковременное психотическое состояние, внезапное возникновение которого связано с психотравмирующими поводами. В подобных случаях отмечается более или менее выраженное помрачение сознания. Р. Крафт-Эбингом, предложивший в 1867 г. термин "патологический аффект", указывал на

глубокое расстройство сознания с необходимо вытекающей отсюда смутностью, отрывочностью или полной утратой воспоминания о содеянном (амнезия).

В судопроизводстве крайне важно определить наличие аффекта и разграничить физиологический и патологический аффекты. Ныне проводимые судебно-психологические и судебно-психиатрические экспертизы основываются главным образом на материалах дела и на показаниях свидетелей, потерпевших и обвиняемых, однако эти данные бывают иногда недостаточными. В таких случаях психологический эксперимент может представить дополнительные данные. "Прежде всего данные психологического эксперимента могут быть использованы для дифференциально-диагностических целей" /5/. Мы предполагаем, что теоретической основой эксперимента, разграничивающего физиологический и патологический аффекты, может стать мысль об аффективных следах, высказанная в 20-х годах А.Р. Лурия /8/. Тем более, что в последние годы своей жизни А.Р. Лурия сам признал, что эта идея незаслуженно забыта /4/. По его мнению, человеческие эмоции обуславливают соответствующие изменения в вегетативных реакциях, которые можно измерить при помощи разных приборов. Рядом исследований установлено, что при аффекте меняется не только дыхание, деятельность сердца, состояние сосудов и нарушается правильная координация движений, но и происходят сильные изменения в деятельности желудка и кишечника, характерным образом меняется уровень адреналина и увеличивается количество сахара в крови, наконец, существенным образом нарушается нормальный электротонус человеческого тела. Максимальные отклонения при аффекте наблюдаются в высших нервно-психических процессах: в мышлении, в распределении и устойчивости внимания, в закреплении, и сохранении навыков. К.Г. Юнг установил, что аффект прежде всего нарушает нормальное течение ассоциаций: при сильном аффекте ассоциации обычно задерживаются /21/.

Ассоциативный эксперимент известен с 1879 г. Его применял уже Ф. Гальтон. Советский нейрофизиолог А.Г. Иванов-Смоленский в 1922 г. впервые указал на возможность применения ассоциативного эксперимента в нейрофизиологических исследованиях и дал общие основы для физиологического толкования результатов эксперимента.

Из зарубежных авторов Х. Диксон и П. Лиир /19/ пытались объяснить факт повышения порога опознания на так называемые

слова "табу", который Мак Гиннис (цит. по /7/) называл "психологической защитой", предсознательной (*prior to awareness*) оценкой предъявляемых стимулов, в результате чего изменяется уровень корковой активности.

Связь подпорогового аффекта с эмоционально насыщенными словами (а они играют огромную роль в возникновении аффективных состояний) установил в своих исследованиях Э.А. Костандов /7/. Интересно, что такие исследования проводились на возбудимых психопатах, которые находились в тяжелой конфликтной жизненной ситуации. Лица, длительное время пребывающие в состоянии эмоционального стресса, являлись весьма подходящим объектом для исследования особенностей восприятия эмоционально насыщенных раздражителей. По экспериментальным данным Э.А. Костандова, у всех исследуемых пороги опознания эмоционально насыщенных слов, имеющих отношение к их тяжелой жизненной ситуации, в том числе к действиям, совершаемым в состоянии аффекта, значительно отличаются от порогов опознания нейтральных слов. Например, если у экспонируемого слова "травя" порог составлял 400 мсек, то у слова "честь" — 250. Но наблюдались и случаи повышения порогов опознания эмоциональных слов. Например, если у слова "дождь" порог составлял 250 мсек, то у слова "клевета" — 1000 мсек. Отсюда вывод: повышение порога опознания эмоциональных слов, по-видимому, находится в прямой зависимости от степени аффективности слова. Экспериментально-физиологические исследования Э.А. Костандова еще раз подтверждают высказывание А.Р. Лурия о том, что человеческие эмоции обуславливают соответствующие изменения в вегетативных реакциях, которые можно измерить при помощи различных приборов.

Прежде чем перейти к перечислению основных экспериментальных приемов для обнаружения разных соматовегетативных компонентов аффекта, необходимо ответить на вопрос, в состоянии ли центральная нервная система человека различать некоторые слова без их осознания. Следует предположить, что это различие слов на основе лишь эмоциональной памяти, без оживления в сознании словесных символов происходит в основном в тех случаях, когда порог восприятия эмоционального слова понижен /7/. И.С. Беритавили /3/ относит к особой форме памяти воспроизведение определенного эмоционального состояния при воздействии раздражителей, связанных с данной эмоцией. В определенных состояниях

или при некоторых обстоятельствах у людей могут возникать так называемые безотчетные эмоции без осознания их причин или повода, когда человек не в состоянии понять причины изменения своего настроения. Отсюда может возникнуть и физиологический, и патологический аффект.

Поскольку аффект оставляет своеобразные следы, возникает вопрос, какой методикой измерить их и как интерпретировать полученные результаты. Для измерения эмоций предлагались различные методы эксперимента.

Ниже приведем лишь краткий исторический обзор этих методов, данный по /20/.

1. Измерение гальванической реакции кожи. Возникновение данного метода связано с именами ученых С. Фере и И. Тарханов. Они установили, что при волнении повышается выделение пота, который в свою очередь улучшает проводимость тока в теле. В 1922 г. В. Смит разработал методику изучения ассоциативных связей при помощи измерения гальванической реакции кожи.

2. Измерение частоты и глубины дыхания. А. Моссо обратил внимание на то, что во время изменения эмоций изменяется и дыхание.

3. А. Моссо является также автором методики установления эмоций при помощи графической записи давления крови и частоты пульса. Серьезное внимание этой методике уделил ученик Х. Минстерберга В. Маргсон.

4. В конце прошлого столетия Р. Соммер сконструировал аппарат, который регистрировал дрожь мышц в трех диапазонах. При помощи своего аппарата он попытался определить, какие вербальные и оптические раздражители испытуемые заметили. Аналогичный аппарат сконструировал в 1907 г. и В.М. Бехтерев, который он использовал для выявления симуляции. Удачный прибор, имеющий практическое значение для регистрации движений мышц, сконструировал А.Р. Лурия /8/.

Поскольку указанные методы дают примерно 70-80% гарантии, то поиски ученых продолжаются. Так, К. Оберман предложил использовать электроэнцефаллограф, а в качестве индикатора - алфаритмы. Ф. Беррин предлагал использовать для измерения эмоций движение глаз.

Одна из последних методик изучения ассоциаций - регистрация биоэлектрической активности головного мозга, в том числе с регистрацией вызванных потенциалов (*evoked brain potential*) /22/. Эта методика перспективна, хотя психофизиоло-

гические исследования значительно чаще выявляют повышение порога осознания эмоциональных слов, чем их понижение, по сравнению с нейтральными словами. Однако в опытах с неосознаваемыми словами наблюдается, как правило, облегчение вызванных потенциалов на эмоциональные слова. Это противоречие между психофизиологическими и биоэлектрическими данными в настоящее время можно объяснить только тем, что связанные с эмоциональными компонентами слова — восходящие импульсы со стороны лимбической системы — оказывают неодинаковое влияние на разные структурно-функциональные корковые уровни.

С проблемой ассоциативных экспериментов теснейшим образом связана проблема применения полиграфа. Ряд теоретиков категорически отрицает такую возможность, извращая даже некоторые факты истории советской науки. Так, в дискуссиях на страницах "Психологического журнала" высказывались мнения, будто А.Р. Лурия, известный во всем научном мире, никогда не занимался проблемами полиграфа. С целью доказательства противного сошлемся здесь лишь на его работы "Экспериментальная психология в судебном следственном деле" /9/ и "Психология в определении следов преступления" /8/.

В настоящее время в программу вузов по психологии в обязательном порядке входит практикум по установлению физиологических коррелят эмоциональных состояний с помощью полиграфа /II/. Э.А. Костандов в своих получивших широкую известность исследованиях также использовал в качестве основной аппаратуры полиграф /6/. В качестве показателей использует эмоциональные корреляты и Э.Л. Носенко /10/, чья статья, как нам кажется, не случайно опубликована в одном и том же номере "Психологического журнала" со статьей М.С. Строговича /14/, который абсолютно отрицает полиграф.

Довольно много внимания уделяет эмоциональным коррелятам и Т.Н. Ушакова /15/.

Здесь уместно привести и цитату М.Г. Ярошевского: "И вместе с тем оба преемника Сеченова (т.е. И.П. Павлов и В.М. Бехтерев) показали уже не только теоретически, но и эмпирически, что психический акт не сводится к "явлениям сознания", что он может и должен изучаться строго объективными методами" /18/. "Павловское учение об условных рефлексах до сих пор остается наиболее плодотворным естественнонаучным подходом к исследованию природы и механизмов возникновения идеально-существеннейшей характеристики любого психологического акта" /1/.

О проблеме использования полиграфа не мог умолчать и пока единственный доктор по юридической психологии И.К. Шахриманян. Сошлемся здесь лишь на его статью "Соотношение речевых и неречевых компонентов в деятельности следователя", где указывается, что еще законодательство Ману, существовавшее около 2500 лет тому назад, предписывало судье по выражению лица, движениям "переменам в глазах" оценивать истинность показаний допрашиваемого /18/. Аналогичные рекомендации можно найти и в современных учебниках по криминалистике.

Важно подчеркнуть, что стимулами, вызывающими изменения эмоциональных коррелят, могут быть не только сигналы первой сигнальной системы, но и слова. Слова вызывают такие же изменения, как и обозначаемые ими предметы и действия. Отсюда вытекает, что возможности использования характеристик эмоциональных коррелят еще далеко не исчерпаны.

Мы считаем, что дискуссии вокруг полиграфа в юридической психологии связаны с признанием или непризнанием того факта, что юридическая психология — это самостоятельная отрасль психологических наук. Метод изучения эмоциональных коррелят нашел широкое применение в профотборе, в медицине и в других отраслях психологии, и всякое ограничение арсенала методов юридической психологии со стороны представителей других специальностей необосновано.

Совсем иное положение наблюдается в правоприменительной деятельности. Здесь показатели полиграфа не являются и не могут быть доказательством, как например, и то, что в каком-то письме буква "а" сверху немножко открыта. Чтобы такие факты стали доказательствами, их должны интерпретировать специалисты, а интерпретации следует придать определенную форму, одной из которых является заключение психологической экспертизы.

Мы уверены, что так называемые объективные данные, записанные при помощи полиграфа, следует шире использовать при проведении судебно-психологической, а также судебно-психиатрической экспертизы.

Литература

1. Астратян Э.А., Симонов П.В., Шингаров Г.Х. Современное состояние науки о высшей нервной деятельности и теории отражения. - В кн.: Диалектика в науках о природе и человеке. Эволюция материи и ее структурные уровни. М., 1983, с. 138.
2. Бериташвили И.С. Память позвоночных животных, ее характеристика и происхождение. Тбилиси, 1968.
3. Большая медицинская энциклопедия, т. 2.
4. Вагнер В. Полиграф в уголовном процессе ПНР. - В кн.: Проблема совершенствования деятельности органов внутренних дел. М., 1977.
5. Зейгарник Б.В. Патофизиология. М., 1976.
6. Костандов Э.А. Восприятие и эмоции. М., 1977.
7. Костандов Э.А. О физиологических механизмах "патологической защиты" и безотчетных эмоций. - В кн.: Бессознательное. Тбилиси, 1978, ч. I.
8. Лурия А.Р. Психология в определении следов преступления. - Научное слово, 1928, № 3.
9. Лурия А.Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле. - Советское право, 1927, № 2.
10. Носенко Э.Л. Попытки системного подхода к анализу речи в состоянии эмоциональной напряженности. - Психологический журнал, 1980, т. I, № 6.
11. Практикум по психологии / Под ред. А.Н.Леонтьева, В.Б. Гиппенрейтера. М., 1972, с. 195-213.
12. Селье Г. Стресс без дистресса. М., 1981.
13. Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань, 1978.
14. Строгович М.С. Некоторые вопросы использования психологических знаний в юридической науке. - Психологический журнал, 1980, т. I, № 6.
15. Ушакова Т.Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы. М., 1979.
16. Шавгулидзе Т.Г. Аффект и уголовная ответственность. Тбилиси, 1973.

17. Шахриманиян И.К., Барламов В.А., Тараканов В.В. Соотношение речевых и неречевых компонентов в деятельности следователя. - В кн.: Общая и прикладная психолингвистика. М., 1973, с. 189.
18. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. М., 1971, с. 141.
19. Dixon N.T., Lear T.E. Incidence of theta rhythm prior of awareness of a visual stimulus. - Nature, 1964, p. 203, 167.
20. Forensische Psychologie. - In: Handbuch der Psychologie in 12 Bänden. Göttingen, 1967, 11 Bd., p. 222 - 230.
21. Jung C.G. Diagnostische Assoziationstudien. 1911, I - II.
22. Shagass Ch. Evoked brain potentials in psychiatry. N.-Y., 1972.

SISUKORD ОГЛАВЛЕНИЕ

И.-М.М. Орго, И.А. Ребане. Преступления против трудовых прав граждан и их разграничение от близких к ним преступлений	3
У.Э. Лыхмус. Некоторые вопросы соучастия <i>de lege ferenda</i>	27
Я.Я. Соотак. Вопросы совершенствования судебной практики ЭССР по делам о преступлениях, совершаемых по семейным мотивам	35
H. Saarsoo. Alaealiste kriminaalasjade eeluurimist reguleerivate normide täiustamisest Eesti NSV kriminaalprotsessi koodeksis	44
Х.Б. Саарсоо. О совершенствовании норм УПК ЭССР, регулирующих предварительное следствие по делам несовершеннолетних. Резюме	53
H. Lindmäe. Kohtuekspertiisi õigusliku reguleerimise täiustamisest Eesti NSV kriminaal- ja tsiviilkohtumenetluses	56
Х.Э. Линдмэе. О совершенствовании правового регулирования судебных экспертиз в уголовном и гражданском судопроизводствах Эстонской ССР. Резюме	73
Э.М. Кергандберг. Методологические и теоретические вопросы совершенствования правового регулирования использования познаний (СП) в уголовном процессе	75
Р.А. Марусте. Проверка и оценка результатов и эффективность судебно-психологической экспертизы в свете эмпирических данных Эстонской ССР ..	89
Л.Й. Аувяэрт, В.А. Вахинг. О возможностях использования ассоциативного эксперимента при совершенствовании борьбы с преступлениями	98